

На правах рукописи

Шурупова Ольга Сергеевна

**КОНЦЕПТОСФЕРА ГОРОДСКИХ
СВЕРХТЕКСТОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Елец – 2017

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

Научный консультант – доктор филологических наук, профессор
Попова Елена Александровна

Официальные оппоненты: **Стернин Иосиф Абрамович**,
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», профессор кафедры общего языкознания и стилистики

Харченко Вера Константиновна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», заведующая кафедрой филологии

Мещерякова Ольга Александровна,
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина»,
профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения

Ведущая организация ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»

Защита диссертации состоится «19» сентября 2017 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.059.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций в Елецком государственном университете им. И.А. Бунина по адресу: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, ауд. № 301.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина по адресу: 399740, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д.28 и на сайте http://www.elsu.ru/nauka/dissovvet3/6049-full_diss_03.html.

Автореферат разослан «___» августа 2017 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Н.А. Трубицина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Развитие современной лингвистики определяется идеей тесной взаимосвязи знаний о языке со знаниями о человеке, поэтому возрастает интерес исследователей к тексту и сверхтексту как культурно-языковым феноменам, в которых получает отражение менталитет народа. Исследователи признают художественные тексты формальными единицами культуры, которая, как отмечает Л.Н. Мурзин, «состоит из текстов, хотя качественно и не сводится к ним» (Мурзин, 1994). Очевидной в связи с этим становится необходимость исследования сверхтекста как открытой системы текстов, которые образуют единую мифотектоническую парадигму, характеризуются сходной модальной установкой и в концептосферах которых проявляется общая сверхтекстовая картина мира. Данная работа выполнена с учетом этих положений, в рамках антропоцентрического направления в лингвистике.

Актуальность данного диссертационного исследования определяется следующими факторами:

- 1) необходимость дальнейшей разработки проблемы связи языка и культуры, предполагающей системное исследование явления сверхтекста;
- 2) неполная изученность городского сверхтекста русской художественной литературы как одного из ключевых типов сверхтекстов в целом;
- 3) незавершенность формирования категориально-терминологического аппарата лингвистики сверхтекста;
- 4) потребность в создании методологии исследования городского сверхтекста русской художественной литературы;
- 5) отсутствие системного описания лингвокультурных особенностей концептосферы городских сверхтекстов русской художественной литературы.

Объектом исследования в диссертационной работе выступает специфика городского сверхтекста русской художественной литературы как совокупности текстов русского языка, в которых вербализуется культурное знание о городе.

Предметом исследования являются лингвокультурные особенности концептосферы городских сверхтекстов русской художественной литературы.

Цель работы заключается в анализе лингвокультурных особенностей концептосферы городских сверхтекстов русской художественной литературы.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) на основе опыта исследования сверхтекста, получившего отражение в работах отечественных и зарубежных ученых, сформулировать авторское определение сверхтекста и уточнить имеющиеся в современной науке о языке критерии типологизации городских сверхтекстов;
- 2) выработать и обосновать категориально-терминологический аппарат, адекватный заявленной цели исследования;
- 3) выделить примерный набор концептов, являющихся ключевыми для большинства городских сверхтекстов художественной литературы;
- 4) разработать и использовать алгоритм лингвокультурологического анализа городского сверхтекста художественной литературы для анализа столичных и нестоличных сверхтекстов русской художественной литературы: Петер-

бургского, Московского, Киевского, Ташкентского, Венецианского, Лондонского, Провинциального сверхтекстов.

Основная гипотеза данного исследования: городской сверхтекст художественной литературы является системным единством текстов, в концептосфере которых получает воплощение сверхтекстовая картина мира, сопоставимая с русской языковой картиной мира в целом.

Теоретическими основаниями диссертационного исследования являются:

– труды В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа, А. Вежбицкой, М. Бютора, В.Г. Зусмана, И.В. Зыковой, М.Л. Ковшовой, Ю.М. Лотмана, Л.Н. Мурзина, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, В.К. Харченко о сущности языка и культуры и природе их взаимодействия;

– работы отечественных и зарубежных ученых в области лингвистики: Г.В. Битенской, С.В. Канныкина, Н.А. Купиной, А.Г. Лошакова, Т.М. Николаевой, А.Д. Шмелева; культурологии и семиотики: В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян; литературоведения: С. Гардзонио, Й.К. Лилли, Н.Е. Меднис, В.И. Тюпы, В.Д. Черняк, Э.Ф. Шафранской – о явлении, основных признаках и типах сверхтекста;

– труды Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресяна, М.Г. Водневой, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой, О.А. Мещеряковой, В.Н. Телия, Г.В. Токарева, исследующих концепты в связи с ценностями, присущими данной национальной культуре;

– работы представителей когнитивной лингвистики: С.А. Аскольдова, В.В. Колесова, О.А. Корнилова, З.Д. Поповой, С.П. Праведникова, И.А. Стернина, Н.Ю. Шведовой – о сущности, структуре и методах исследования концепта;

– труды ученых, посвященных городам как феноменам культуры: В.В. Абашева, П. Акройда, Н.П. Анциферова, С. Волкова, К.Г. Исупова, Д.С. Лихачева, Л.Е. Трушиной, Г.П. Федотова, А.В. Шипилова.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

1) впервые сформулировано авторское определение сверхтекста с учетом его лингвокультурных особенностей;

2) обосновано существование мифотектонической парадигмы текстов;

3) установлено существование сверхтекстовой картины мира, характерной для данного городского сверхтекста художественной литературы;

4) выявлены основные принципы построения концептосферы городского сверхтекста художественной литературы: единства, бинарности и тернарности;

5) дополнена существующая классификация городских сверхтекстов: с опорой на особенности концептосферы сверхтекстов русской литературы выявлены особенности монокодовых и поликодовых городских сверхтекстов;

6) разработан и апробирован алгоритм лингвокультурологического исследования городского сверхтекста художественной литературы;

7) произведен анализ основных городских сверхтекстов русской художественной литературы: Петербургского, Московского, Киевского, Ташкентского, Провинциального, Венецианского – с точки зрения их сверхтекстовой картины мира;

8) изучены особенности языковой репрезентации и интерпретации ключевых концептов основных городских сверхтекстов русской художественной литературы;

9) освещены аспекты русского национально-культурного восприятия ряда столичных и провинциальных городов и особенности их отражения в языке.

Положения, выносимые на защиту:

1) Сверхтекст художественной литературы, в том числе городской, представляет собой открытую систему текстов, которые образуют единую мифотектоническую парадигму, характеризуются сходной модальной установкой и в концептосферах которых проявляется общая сверхтекстовая картина мира.

2) Городские сверхтексты художественной литературы могут подразделяться на три группы: те, концептосферы которых строятся на основе принципа бинарности (Петербургский текст русской литературы), тернарности (Венецианский текст русской литературы), единства (Московский текст русской литературы); а также на монокодовые, в основе которых лежит одна основная мифологема, определяющая их мифотектонику (Провинциальный, Ташкентский тексты русской литературы, а также индивидуально-авторский Лондонский текст, появляющийся в творчестве Е.И. Замятина), и поликодовые сверхтексты (Петербургский, Московский, Киевский, Венецианский тексты русской литературы), организованные вокруг двух и более мифологем, каждая из которых оказывает влияние на формирование мифотектоники сверхтекста, в результате чего в нем можно выделить несколько основных мифотектонических блоков.

3) Сверхтекстовая картина мира представляет собой сложно организованное семантическое пространство данного сверхтекста; картину мира, характерную для данного сверхтекста, включающую элементы субъективного, присущего индивидуально-авторским картинам мира каждого текста, входящего в сверхтекст, и одновременно отражающую объективный, целостный, свойственный всем составляющим сверхтекста взгляд на данный внетекстовый объект. Сверхтекстовая картина мира получает воплощение в концептосфере данного городского сверхтекста.

4) Концептосферу городского сверхтекста, как правило, составляют концепты, связанные со следующими сферами: культурные реалии; время; явления природы; связанные со сферой природы концепты *свет, тьма*; внешнее пространство; внутреннее пространство; эмоциональная сфера; концепты *жизнь, смерть*; концепты *сон, явь*; цветовые концепты; звуковые концепты; одорические концепты; вкусовые концепты; антропоцентрические концепты. Несмотря на репрезентацию в языковой ткани большинства городских сверхтекстов русской литературы сходных концептов, каждый из сверхтекстов обладает уникальными чертами, поскольку сходные концепты нередко реализуют в пространстве городских сверхтекстов русской литературы различные, а иногда и не свойственные им в русской языковой картине мира признаки.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется важностью для современной теории языка работ, связанных с изучением культурно-языкового феномена городского сверхтекста художественной литературы, существующего в рамках ряда европейских языковых систем. Диссертационное исследование формирует новые представления о феномене город-

ского сверхтекста художественной литературы; в работе предложено новое определение сверхтекста; дополнена существующая классификация городских сверхтекстов; введены понятия мифотектонической парадигмы, сверхтекстовой картины мира, монокодового и поликодового городского сверхтекста; в соответствии с разработанным алгоритмом осуществлено лингвокультурологическое исследование ряда городских сверхтекстов русской художественной литературы. Работа способствует дальнейшему развитию лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, лингвистики текста, филологического анализа текста, стилистики, а также такого нового и перспективного направления в науке о языке, как лингвистика сверхтекста.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов и практических результатов на занятиях в системе вузовского образования: при разработке основных курсов (языкознание, стилистика, лингвистический и филологический анализ текста), курсов с культурологической направленностью, спецкурсов и спецсеминаров по лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, лингвистике сверхтекста, а также в процессе изучения произведений ряда русских писателей и поэтов, входящих в школьную программу по литературе. Результаты исследования городских сверхтекстов русской художественной литературы могут быть использованы в научно-исследовательской работе студентов и аспирантов, связанной с изучением русской культуры, а также в лексикографической практике, при составлении не существовавших до сих пор словарей изученных в данной работе сверхтекстов, например «Словаря Петербургского текста русской литературы», «Словаря Московского текста русской литературы». Теоретические положения работы могут стать частью содержания учебников по лингвистике сверхтекста как нового и перспективного направления науки о языке. Языковой материал, подвергнутый анализу в пределах данной работы, может быть использован как иллюстративный в процессе обучения языкознанию в вузе.

Материалом исследования послужили отобранные при помощи разработанного нами алгоритма с использованием методов анализа, синтеза, профилированного чтения, а также методики анализа культурных значений и смыслов художественные тексты русской литературы XIX – XXI веков, образующие ряд городских сверхтекстов художественной литературы: Петербургский текст (произведения А.С. Пушкина, В.П. Титова, В.Ф. Одоевского, Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева, А.А. Григорьева, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, В.В. Крестовского, Я.П. Полонского, А.И. Куприна, И.Ф. Анненского, А.М. Ремизова, А.А. Блока, А. Белого, В.Я. Брюсова, З.Н. Гиппиус, Н.С. Гумилева, А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама, И.В. Одоевцевой, Саши Черного, А.С. Грина, Е.И. Замятина, М.М. Зощенко, Д.И. Хармса, К.К. Вагинова, И.В. Головкиной, О.Ф. Берггольц, А.М. Городницкого, И.А. Бродского, А.Г. Битова, Т.Н. Толстой, О. Постнова), Московский текст (произведения В.В. Жуковского, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, А.Ф. Вельтмана, Е.И. Боратынского, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, А.Н. Майкова; В.Я. Брюсова, И.А. Бунина, А.И. Куприна, Б.К. Зайцева, И.С. Шмелева, М.И. Цветаевой, О.Э. Мандельштама, А.В. Чаянова, М.А. Осоргина, М.А. Булгакова, А.И. Солженицына, Б.Л. Пастернака, В.Л. Кондратьева, М. Лисянского, В. Лебедева-Кумача,

С.А. Иванова, В.С. Андреева, Л.Ф. Воронковой, Н.М. Артюховой, Б.Ш. Окуджавы, А. Городницкого, В. Березина, А. Иличевского, А. Барбуха, В. Орлова, Е.В. Гришковца, Д.И. Рубиной и др.), Киевский текст (Н.В. Гоголя, В.Г. Бенедиктова, И.И. Козлова, К.К. Случевского, М.А. Булгакова; А. Гайдара, А.И. Куприна, Н.Н. Носова, В.А. Осеевой, Д.И. Рубиной, А. Долгинова, В. Кривулина, В. Киселева); Провинциальный текст (Н.В. Гоголя, А.И. Герцена, А.Н. Островского, А.П. Чехова, И.А. Бунина, В.В. Войновича, Е.В. Гришковца, Д.И. Рубиной), Ташкентский текст (А.С. Неверова, А.А. Ахматовой, А.И. Солженицына, Д.И. Рубиной, С. Демидовой, Б. Кримера, Н. Семикозовой); Венецианский текст (П.А. Вяземского, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, И.А. Бунина, В.Я. Брюсова, А.И. Блока, О.Э. Мандельштама, А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилева, Б.Л. Пастернака, А. Суркова, И.А. Бродского, Д.И. Рубиной, А.П. Тер-Абрамянца и др.), индивидуально-авторский Лондонский текст (Е.И. Замятина). Всего проанализировано более 3500 фрагментов из 304 текстов.

Методы и приемы. В ходе исследования применялись общенаучные методы наблюдения, описания, сопоставления, анализа, синтеза, а также функциональный метод, дающий возможность изучение репрезентации и интерпретации концептов в составляющих городских сверхтекстов; метод глубокой интроспекции, позволяющий анализировать сверхтекст с опорой на культурно-языковую компетенцию и внутренний опыт исследователя как носителя данной культуры; методика концептуального анализа, позволяющая выделить неявные компоненты смысла, формирующие языковую концептуализацию мира; методика компонентного анализа, с помощью которой можно выявить составные части концепта; методика анализа словарных дефиниций, раскрывающая особенности строения концепта и его семантического окружения; методика учета ассоциативных связей концепта, способствующая раскрытию его признаков; методика анализа культурных значений и смыслов для выявления культурных смыслов, сформировавшихся в пределах того или иного городского сверхтекста и для доказательства того, что данные тексты можно признать единицами единого сверхтекста; методика аппликации концептограмм, которая дает возможность изучить лексическую сочетаемость репрезентантов концепта и проследить изменения в реализации различных признаков концепта в пределах разных городских сверхтекстов; приемы классификации и систематизации эмпирического материала.

На основе данных методов и приемов нами был разработан алгоритм лингвокультурологического анализа городского сверхтекста художественной литературы, включающий два этапа:

I этап

Реконструкция городского сверхтекста художественной литературы

а) Определение круга составляющих сверхтекста – «профилированное чтение» (Лошаков, 2008) текстов, в которых присутствует данный внетекстовый субстрат, связанный с образом значимого для данной культуры города, и которые могут быть гипотетически признаны составляющими единого сверхтекста.

б) Выявление сходных культурных маркеров сверхтекста, которые появляются во всех его составляющих и реализуют общие культурные смыслы.

в) Описание особенностей мифотектоники сверхтекста – выявление основных мифологем, лежащих в основе городского сверхтекста, на основании которого можно сделать заключение об особенностях мифотектоники городского сверхтекста и его принадлежности к монокодовым или поликодовым сверхтекстам.

II этап

Анализ лингвокультурных особенностей концептосферы городского сверхтекста художественной литературы

а) Исследование языковой ткани городского сверхтекста с целью выявления случаев репрезентации его ключевых концептов.

б) Описание особенностей языковой репрезентации концептов городского сверхтекста (ядерным концептом городского сверхтекста обычно может быть признан концепт, получающий репрезентацию в названии данного города; к окооядерным концептам отнесены концепты *природа, культура, радость, тоска, свет, тьма, смерть, жизнь* и др.; в периферийную зону концептосферы входят связанные с ними концепты (например, *дом, церковь, кабак, дерево, река, солнце, луна, вода* и т.д.), а также антропоцентрические, цветовые, звуковые, одорические и вкусовые концепты).

в) Анализ интерпретации данных концептов в пределах городского сверхтекста. Особенное внимание должно уделяться различиям в признаках концептов, реализуемых в русской языковой картине мира и в сверхтекстовой картине мира.

г) Определение принципов построения концептосферы данного городского сверхтекста.

д) Изучение сверхтекстовой картины мира, характерной для данного городского сверхтекста, позволяющее сделать вывод о проявлении в нем особенностей той или иной культуры и о роли, которую он играет в пределах этой культуры, прогнозировать его дальнейшее развитие и возможные изменения в его мифотектонике.

Апробация. Основные теоретические положения диссертации обсуждались на кафедре русского языка и литературы Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Апробация работы осуществлялась в виде докладов и сообщений на международных, всероссийских и региональных конференциях и научных семинарах в Москве (2012, 2013), Санкт-Петербурге (2013, 2015, 2016), Арзамасе (2014), Брянске (2013), Владимире (2011), Ельце (2011, 2015), Казани (2013), Липецке (2012 – 2016), Махачкале (2014), Мурманске (2014), Нижнем Новгороде (2015), Пензе (2014), Пушкине (2013, 2014, 2016), Ростове-на-Дону (2012, 2015), Саранске (2014), Челябинске (2013), Череповце (2014).

Основные положения диссертации изложены в 73 работах, среди которых 3 монографии, 19 статей, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях из списка ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключение, списка источников исследования, списка использованной литературы, состоящего из 380 наименований, Приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, содержится общая характеристика объекта и предмета исследования, ставится цель работы и очерчивается круг сопутствующих ей задач, описываются методы исследования, отмечается научная новизна, а также теоретическая и практическая значимость работы, выдвигаются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертации «Проблема сверхтекста в лингвокультурологическом освещении» посвящена рассмотрению теоретико-методологических оснований лингвокультурологии, а также уточнению ряда понятий, используемых в диссертационном исследовании. Это понятия *культуры, лингвокультуры, когнитивной базы, культурного кода, концепта, концептосферы, культурологического контекста, сверхтекста, мифотектоники, мифотектонической парадигмы*.

В § 1 «**Культура и язык как взаимосвязанные системы**» рассматриваются особенности взаимодействия языка и культуры, которое особенно ярко проявляется на уровне текста и сверхтекста. В русле современной антропоцентрической парадигмы развитие лингвистики определяется мыслью о том, что постичь сущность языковых явлений можно лишь на основе изучения человека как носителя языка. Однако человек является одновременно носителем языка и культуры, и его личность формируется под влиянием отраженных в языке культурных ценностей.

В отечественной науке существует два взаимодополняющих подхода к культуре: ценностный, согласно которому она выступает как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеком, в том числе текстов, и деятельностный, в рамках которого культура рассматривается как система механизмов, благодаря которым стимулируется, программируется и реализуется деятельность людей в обществе. Культура может быть рассмотрена и как трехслойная сущность, верхний слой которой включает разнообразные материальные явления, средний – нормы и ценности, внутренний – базовые установки, убеждения, менталитет.

В русле лингвокультурологии *культура* – это миропонимание, мироощущение, результат восприятия мироздания, творимого человеком в процессе его жизнедеятельностного опыта. Особенности культуры получают отражение в языковых единицах разных уровней, которые могут быть исследованы как знаки «языка» культуры, в том числе в тексте и сверхтексте. Подвергаясь интерпретации, текст входит в культуру, становится единицей особого семиотического уровня культуры, который возвышается над уровнем текста. Чтобы овладеть культурой как структурно организованным запасом созданных текстов, нужны определенные духовные усилия: интерпретация текста всегда сопровождается творческим началом, – и в результате интерпретации текстов культура самообогащается. Способ мышления представителей той или иной культуры, интерпретации ими различных явлений, в том числе текстов, определяется культурными кодами.

Культурный код – это система означивания, то есть сформированная стереотипами лингвокультурного сознания совокупность знаков и механизмов. На

основе мивровосприятия, характерного для большинства носителей культуры, формируются ее установки, определяющие отношение человека к окружающему миру: природе, социуму, к мистически-духовной стороне бытия, а также к самому себе. Количество универсальных культурных кодов невелико, и разнообразие культур обусловлено их трансформацией или комбинацией. Национальный язык как свидетель и хранитель культуры отражает и регистрирует ее основные особенности.

Существуют различные типологии культур (Данилевский, 1991; Ларина, 2009; Маслова, 2008; Лихачев, 2006; Ницше, 2005; Хофштеде, 2001; Шпенглер, 2010). Культуры различных типов (коллективистские и индивидуалистические; мужские и женские; избегающие неопределенности и толерантные к ней и т.д.) оказывают влияние на язык, который представляет собой одновременно и составную единицу той или иной культуры, и инструмент, с помощью которого человек ее усваивает. В каждой культуре проявляется как универсальное, одинаково осмысляемое всеми людьми в мире, так и национально-специфичное.

Русская культура может быть признана коллективистской, статичной, контактной, ширококонтекстной, монокронной с ярко выраженными элементами полихронного поведения; характеризуется значительной статусной дистанцией, тенденцией к избеганию неопределенности, к гармонии с природой. В отличие от французской и англосаксонской, русская культура насквозь пронизана темой судьбы, осознанием минимальной роли человеческого разума, бессильного перед непостижимыми обстоятельствами, которые могут изменить исход любого дела. Она предполагает, что ее носитель должен стремиться не к достижению материального благополучия, а к внутреннему развитию, к которому ведет страдание.

Русская культура, безусловно, оказывает влияние и на восприятие ее носителями явлений действительности, и на отражение этих явлений в языке, поэтому исследование единиц языка, в том числе текстов и сверхтекстов, в рамках современной антропоцентрической парадигмы невозможно без учета особенностей национальных культур, в рамках которых они создавались.

§ 2 «Сверхтекст художественной литературы как культурно-языковой феномен» посвящен систематическому описанию основных особенностей сверхтекста.

Изучение сверхтекстов становится одним из важнейших направлений современной антропоцентрической лингвистики, поскольку позволяет рассматривать факты языка в неразрывной связи с культурой его носителей и может способствовать процессу осознания современным человеком индивидуальности той нации, к которой он принадлежит, и неисчерпаемого богатства ее культуры. Многие вопросы, касающиеся изучения сверхтекстов, до сих пор не получили разрешения, и в современной науке наблюдается большое число различных точек зрения на проблемы, связанные с их характеристикой и классификацией. В настоящее время ощущается настоятельная потребность в новом научном направлении – лингвистике сверхтекста, предметом изучения которой стал бы сверхтекст как культурно-языковой феномен, важнейший для постижения языковой картины мира.

Следует отметить, что для обозначения явления, чаще всего именуемого сверхтекстом, в современной науке до сих пор используются различные термины: «архитекст», «гипертекст», «интертекст», «Х-текст». Тем не менее, термин «сверхтекст», в котором отражаются главные особенности текстовых единств, представляется наиболее уместным.

Сверхтекст представляет собой систему тесно связанных друг с другом, но по-своему разнообразных текстов, каждый из которых обладает своими особенностями и вносит в общее звучание сверхтекста свою ноту. Так, повести Н.В. Гоголя или романы Ф.М. Достоевского, которые столь же органично входят в Петербургский текст, сколько «Медный всадник» А.С. Пушкина, вносят в характерное для него восприятие Петербурга оттенки, во многом отличные от пушкинского видения города. Поэтому, хотя такие тексты и объединяет некий общий код, можно говорить о проявлении авторской индивидуальности в каждой составляющей сверхтекста.

На теорию сверхтекста, которая в настоящее время находится в стадии формирования, оказали влияние работы А.Н. Веселовского, ставшего автором концепции бродячих сюжетов (Веселовский, 1989); В.Я. Проппа, выявившего устойчивые законы моделируемости волшебной сказки (Пропп,); концепции полифонического романа М.М. Бахтина (Бахтин, 1979); работы В.В. Виноградова (Виноградов, 1959; 1990); учение о семиосфере культуры М.Ю. Лотмана, важнейшим исследовательским принципом которого стал принцип отыскания инвариантов, которые реализуются в ряде текстов (Лотман, 2005); теории интертекстуальности Р. Барта (Барт, 1989; 2000), М. Фуко (Фуко, 2004), Ю. Кристевой (Кристева, 2004), Г.В. Денисовой (Денисова, 2003) и др. Однако впервые научное понятие «сверхтекст» появилось в работах В.Н. Топорова, который подверг анализу Петербургский текст русской литературы (Топоров, 1995).

Однако содержание научного понятия «сверхтекст» до сих пор различается в трактовках разных научных школ и отдельных ученых. Для работ ряда исследователей (Купина, Битенская, 1994; Лошаков, 2008) характерно широкое понимание сущности сверхтекста, при котором не учитывается культуроцентричность данного феномена. С позиций лингвокультурологии сверхтекстом может быть признана система текстов, которые созданы различными авторами и общность которых основана не столько на замысле их создателей, сколько на существовании единого культурного кода, обнаруживающего сходство с мифом, присутствующим в сознании большинства носителей языка и культуры и так или иначе проявляющимся в их текстах. В основе сверхтекста лежит единая модель мира, единая мифотектоника, характерная для всех его составляющих, то есть некий культурный код, схема, согласно которой во всех составляющих сверхтекста изображается тот или иной интенциональный объект. Сам факт образования сверхтекста свидетельствует о культурной значимости реалий, с которыми данный сверхтекст связан.

Наряду с жанровой, функционально-стилевой, индивидуально-авторской, тематической парадигмами, в которые могут вступать тексты, по нашему мнению, следует выделить *мифотектоническую парадигму*, то есть *объединения текстов, обнаруживающих общий мифологический код, как правило, связанный*

с тем или иным внетекстовым объектом. Подобные отношения могут возникать между текстами разных жанров, созданных различными авторами (например, «петербургские» повести Н. В. Гоголя и романы Ф. М. Достоевского имеют сходную мифотектонику).

Можно отметить, что устойчивые схемы, обнаруживающие глубинную связь с мифологической традицией, проявляются прежде всего в художественных текстах. Таковы, например, единства художественных текстов, складывающиеся вокруг топонимов и антропонимов высокой культурной значимости. Некий «надтекст» присутствует в каждом из них, подобно тому как модель волшебной сказки – в любом из ее вариантов. Однако другие виды текстов тоже могут образовывать особые культурно-системные единства.

Таким образом, мы примем следующее, сформулированное с учетом лингвокультурологического аспекта определение сверхтекста: *это открытая система текстов, которые образуют единую мифотектоническую парадигму, характеризуются сходной модальной установкой и в концептосферах каждого из которых проявляется общая сверхтекстовая картина мира.* Именно общая для всех единиц данной системы сверхтекстовая картина мира делает это образование самодостаточным.

В современной науке существуют различные точки зрения на критерии выделения сверхтекста. Несомненно, важнейшим из них является наличие у каждого сверхтекста своего образно и тематически обозначенного центра, некоего «внетекстового фундамента», имеющего отношение к культуре, составной частью которой становится сверхтекст. Среди других критериев исследователи указывают наличие относительно стабильного круга текстов, наиболее репрезентативных для данного сверхтекста и определяющих законы его формирования и тенденции его развития; семантическую связность; кросс-жанровость, смысловую цельность, общность языковой организации; открытость, подразумевающую одновременно устойчивость и подвижность границ сверхтекста; синхроничность.

Являясь важнейшим компонентом культуры, сверхтекст, в том числе городской, может быть исследован и как осмысленная, целостная знаковая последовательность, то есть семиотические идеи могут быть использованы не только при изучении языка в целом или его традиционных единиц, но и такой единицы, как сверхтекст. Означающим данной знаковой последовательности является фрагмент действительности, изображением которого объединены все составляющие данного сверхтекста (Петербург, Москва, Киев и т.д.), а означаемое представляет собой тот культурный код, который лежит в основе описания фрагмента действительности, то есть *мифотектонику* сверхтекста. Таким образом, сверхтекст является одновременно знаком языка, который передает сообщение о том или ином явлении, образно описывает действительность, передает оценку, благодаря чему возможен системно-семантический анализ лексических единиц, характерных для данного сверхтекста, и знаком культуры, поскольку сверхтекст передает из поколения в поколение культурные знания о внетекстовом субстрате (в случае городского сверхтекста – о городе, значимом для истории данного народа). То, что сверхтекст является единым культурным знаком,

не дает ему распасться на множество разрозненных текстов, посвященных сходному объекту, но отражающих его по-разному, в зависимости от эпохи создания того или иного текста и взглядов его автора. Именно поэтому с лингвокультурологической точки зрения значимо исследование не столько динамики изменений того или иного сверхтекста, которые могут в конечном счете привести к его коренному преобразованию, сколько культурных кодов, которые лежат в его основе и благодаря которым он сохраняет свое единство.

К основным признакам сверхтекста художественной следует отнести выраженность, то есть материальное воплощение; отграниченность от других текстовых систем; амбивалентность (сверхтекст одновременно обнаруживает сходство с объектом действительности, который отображает, и несходство, которое заключается в использовании для создания модели того или иного объекта языковых знаков (Петербурга, Москвы, провинциального города и т.д.)); процессуальность (структура каждого сверхтекста, в том числе городского, характеризуется динамическими отношениями между его составляющими, поскольку, будучи открытой системой, сверхтекст может постоянно расширяться, включая в себя новые составляющие); гетерогенность (информация разных видов, присутствующая в сверхтексте, закодирована как с помощью естественного языка, так и с помощью особого культурного кода; кроме того, во всех составляющих данного сверхтекста отражается сходная мифологема или несколько мифологем, все его составляющие объединены соответствующим культурным кодом, однако в каждой из них получает реализацию и конкретный художественный код, то есть наблюдается сочетание различных кодов); иерархичность (сверхтекст иерархически организован, включает в себя различные составляющие, структура каждой из которых состоит из уровней различной природы; он содержит разные виды информации: смысловую, эмоциональную, культурную, и каждый текст, входящий в сверхтекст, участвует в передаче данной информации, дополняя и конкретизируя ее и используя при этом потенциал всех своих единиц); коммуникативное напряжение, которое проявляется между тенденцией к интеграции составляющих сверхтекста в единую систему и тенденцией к деинтеграции – распадению на отдельные тексты.

В § 3 «**Основные черты лингвокультурологического исследования концептосферы текста и сверхтекста**» основное внимание уделяется характеристике изучения культуры посредством анализа особенностей единиц языка и языковых процессов. В процессе лингвокультурологического исследования языковые структуры и единицы соотносятся с базисными пластами культуры; устанавливается их корреляция с кодами культуры как системами ментефактов (единиц содержания сознания), связанных с наделенными культурными смыслами феноменами; происходит интерпретация структур языка в контексте культуры и расшифровка собственно языкового образа как знака «языка» культуры или роли его компонентов как элементов символика культуры.

Пространство *лингвокультуры* как самостоятельной семиотической системы, возникающей на пересечении культуры и языка, пронизано сложнейшей сетью взаимосвязей, и ее наблюдение – чрезвычайно сложная задача. Особенности лингвокультуры могут быть выявлены в языковых единицах разных

уровней. В настоящее время, воссоздавая особенности русской лингвокультуры, исследователи обращаются прежде всего к анализу фразеологических единиц (Зыкова, 2015; Ковшова, 2013; Телия, 2010), а также различных типов дискурса (Добросклонская, 2014), однако, безусловно, «телами знаков языка культуры» могут служить фонемы; лексические средства языка; лакунарность разных типов; грамматические средства языка; функциональные средства языка – например, отбор наиболее частотной лексики для общения; образные средствами языка; синтаксические единицы; дискурсивные стратегии, а также тексты и сверхтексты.

Оказываясь в текстовом и сверхтекстовом окружении, единицы разных уровней языка взаимодействуют друг с другом, благодаря чему создается особое культурологическое пространство текста или сверхтекста, в котором актуализируются культуроносные смыслы различных языковых единиц и которое может быть исследовано с позиций лингвокультурологии.

Среди базовых понятий лингвокультурологии выделяется *когнитивная база*, то есть определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных для всех представителей данного национально-лингвокультурного сообщества базовых единиц культуры и лингвокультуры, к которым, несомненно, можно отнести концепты. Значимым для постижения особенностей той или иной лингвокультуры является анализ ключевых концептов данного языка, которые и получают репрезентацию во всех вышеперечисленных языковых единицах. Концепты как получающие языковую репрезентацию единицы информации, которая может накапливаться, храниться и передаваться от поколения к поколению, предоставляют возможность исследовать ту или иную культуру.

С нашей точки зрения *концепт* – это единица эмоционально-смыслового восприятия действительности, несущая комплексную информацию об отображаемом предмете или явлении и о его интерпретации индивидуальным и общественным сознанием, аксиологичная и культурно детерминированная.

По словам В.В. Красных, концепт является максимально абстрагированной идеей предмета (Красных, 2011). Соответственно, в число концептов должны быть включены не только константы – существующие «постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» концепты, например, «*культура, любовь, радость, город, ангел, дом, вечность, страх, тоска, бес, человек, солдатская мать*» (Степанов, 2004: 84), но и концепты, связанные с теми предметами и явлениями, которые, так или иначе, воспринимает, интерпретирует, оценивает носитель языка и культуры. Говоря о культурной детерминированности, нельзя не вспомнить хрестоматийный пример И.А. Стернина и З.Д. Поповой, связанный с тем, что концепт *луна* в русской языковой картине мира кардинально отличается от узбекского в связи с различиями в культурном восприятии действительности, в ее оценке. По этой причине в число концептов с полным правом входят, например, концепты *Петербург, Владимирская горка, арык, чай* и т.д. Носители русского языка воспринимают предметы действительности, «идеями» которых являются эти концепты, интерпретируют их, оценивают с позиций, диктуемых отечественной культурой: *Петербург – особый город, северная столица*

и т.д.; Владимирская горка – своеобразный символ Киева, место, напоминающее о святом князе Владимире, крещении Руси, воспринимаемое как нечто стабильное, устойчивое, почти вечное; арык – то, что дарует воду, прохладу, жизнь, спасает от зноя и засухи; чай – особый напиток, который русский человек пьет в кругу семьи, дорогих гостей и т.д. Академик Ю.С. Степанов подчеркивает: даже при самых гипотетических интерпретациях концептов основанием и доказательством являются подлинные тексты (Степанов, 2004). В жизни тех или иных людей и даже групп людей конкретный концепт может, по словам Ю.С. Степанова, не играть роли, однако это не отменяет факта существования этих концептов, их репрезентации в текстах и возможности именно данной интерпретации.

Принято разграничивать собственно культурные концепты, которые могут объективироваться невербальными средствами, и лингвокультурные, получившие языковую репрезентацию. Лингвокультурная специфика концептов проявляется в наличии у них несовпадающих когнитивных признаков, в их разной организации, в присутствии разных классификаторов единого денотата и, разумеется, в появлении практически в каждом языке безэквивалентных концептов, не имеющих соответствия в других языках. Лингвокультурные концепты характеризуются, по мысли В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина, комплексностью бытования, ментальной природой, ценностностью, условностью и размытостью, изменчивостью, ограниченностью сознанием носителя, трехкомпонентностью, полиапеллируемостью, многомерностью, методологической открытостью и поликвалифицируемостью (Карасик, Слышкин, 2005). Особенно следует отметить ценностность лингвокультурного концепта, поскольку в основе культуры лежит ценностный принцип, и именно это качество отличает данный концепт от концепта в понимании, характерном для когнитивной лингвистики. Помимо ценностного, лингвокультурный концепт имеет понятийный и образный (невербальный и поддающийся интерпретации) компоненты. Важнейшим качеством является и изменчивость лингвокультурного концепта, которая предполагает, что его оценка может меняться с течением времени и в пределах разных текстов и сверхтекстов. Условность и размытость подобного концепта связаны с тем, что он, обнаруживая ядро, связанное с наиболее актуальными для данных носителей языка и культуры признаками, не имеет четких границ и, существуя как в коллективном, так и в индивидуальном сознании, может обогащаться и развивать разнообразные признаки.

Концепт может включать в себя компоненты – другие концепты. Подобные образования высокой степени абстракции принято называть суперконцептами (*природа, культура, человек* и т.д.). Суперконцепт, распадающийся на частные концепты, представляющие собой иерархические ментальные образования разной степени сложности, выступает в качестве семантической категории наибольшей степени абстракции (Гафарова, Кильдибекова, 1998).

Благодаря способности образа, составляющего содержание концепта, к определенной стандартизации личный концепт, сформировавшийся в сознании конкретного носителя языка, может стать групповым, то есть принадлежащим

социальной, возрастной, половой и другим группам, общенациональным и, наконец, универсальным.

Среди лингвокультурных концептов выделяются параметрические (*пространство, время*) и непараметрические концепты; универсальные (*истина, добро, красота*) и этноспецифические (например, *душа, тоска*); институциональные (*власть, лояльность*), регулятивные (*счастье, любовь, зависть*); архетипические концепты (*вражеский заговор*); концепты – лингвокультурные типы как «обобщенные образы представителя определенной социальной группы» (Карасик, 2009), например *чиновник, интеллигент*. Как отмечает исследователь, особенную группу составляют «категориальные концепты», которые специфичны в силу своей высокой абстрактности, их образно-перцептивный компонент весьма размыт и менее значим, чем понятийный» (Карасик, 2009). Однако это не отменяет возможности выделения «предметных концептов» (*гимнастерка, часы*). Можно, кроме того, говорить о существовании концептов-образов (*Русь, Россия*), концептов-идей (*коммунизм*), концептов-символов (*лебедь*) (Пименова, 2004). Для исследователя сверхтекста важно обращать внимание на концепты-символы, культурная детерминированность которых несомненна и которые играют особую роль в формировании сверхтекстовой картины мира.

Впрочем, по нашему мнению, все концепты включают в себя образ, то есть составной элемент концепта, образованный признаками концепта, формирующимися в сознании носителей языка в результате отражения им окружающей действительности или формируемыми метафорическим осмыслением предмета – «чувственный образ кодирует концепт, формируя единицу универсального предметного кода» (Попова, Стернин, 2007). Следует отметить, что термин «образ» используется в пределах данной работы и в другом значении – «явление, творчески воссозданное в художественном произведении (Литературный энциклопедический словарь, 1987), например «образ Петербурга». Однако мы строго разграничиваем два разных значения данного термина.

Существует много способов апелляции к лингвокультурному концепту: при помощи единиц различных уровней языка и невербальных средств, поскольку такого рода концепты могут получать репрезентацию не только в языке, но и в образах музыки, живописи, кинематографии. В рамках лингвокультурологии, которая носит междисциплинарный характер, используются как лингвистические, так и нелингвистические методы. В силу этого, исследуя ключевые концепты того или иного текста или сверхтекста, мы опираемся на идеи представителей как лингвокультурологического направления в лингвистике, рассматривающих концепты в их связи с ценностями, присущими данной национальной культуре (Воркачев, 2005; Карасик, Слышкин, 2005; Красных, 2011; Постовалова, 2010), так и когнитивной лингвистики, по мнению которых концепт обладает сложной структурой, которую концепта можно представить в виде круга, в центре которого находится ядро концепта, к которому относятся слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, а на периферии – все то, что привнесено традициями, народным и личным опытом (Пименова, 2005; Попова, Стернин,

1999; Попова, 2007; Праведников, 2010). Ядро концепта, постепенно обволакивается слоями новых концептуальных признаков, что увеличивает объем концепта и делает все более насыщенным его содержание.

С лингвокультурологической точки зрения, однако, недостаточным в процессе исследования того или иного концепта представляется ограничиться лексикографическим описанием его репрезентанта. От описания семантики языковой единицы, с помощью которой получает репрезентацию концепт, следует перейти к анализу его интерпретации в рамках данной лингвокультуры, а также «раскрытию символики слова и логики образа, стоящего за словом в сознании носителей языка определенной культуры» (Постовалова, 2010: 16). Будучи динамичным смысловым образованием, концепт может актуализировать в различных ситуациях разные признаки, связанные с мировоззренческими, культурно-историческими, культурно-языковыми, индивидуально-смысловыми смысловыми оттенками, привносимыми в концепт в соответствующей лингвокультуре.

Вступая между собой в отношения сходства, различия и иерархии, оказывая друг на друга влияние и постепенно видоизменяясь, приобретая новые признаки или утрачивая прежние, концепты образуют *концептосферу* – систему, значимую для данного носителя языка, группы людей или этноса, определяющую их мировосприятие и являющуюся основой концептуальной картины мира, складывающейся в их сознании. Концептосферы можно классифицировать по их принадлежности различным носителям языка и культуры. Так, в современной лингвистике выделяются следующие типы концептосфер: индивидуальные; групповые (профессиональные, возрастные, гендерные); национальные, которые соотносятся со всем культурно-историческим опытом нации, в том числе с ее религией и с природными условиями той местности, которую населяет данный этнос. В структуре той или иной концептосферы обнаруживаются ядро, приядерная зона и периферия.

Исследование концептосферы того или иного текста или сверхтекста дает возможность получить доступ к его культурологическому контексту, то есть сложному комплексу сведений о мире и сформированных в пределах данной культуры ценностях. В современной науке выделяются четыре основных уровня культурологического контекста: денотативный, когда культурные смыслы выражены эксплицитно; коннотативный, на котором культурно-значимая информация содержится в экспрессивно-эмоционально-оценочных коннотациях; ассоциативный, когда культуроспецифичные компоненты представлены в ассоциативных связях лексических единиц; метафорический, объединяющий культуроспецифичные сведения, получающие отражение в тропах.

Денотативный культурологический контекст извлекается применительно к сверхтексту из слов и словосочетаний, обозначающих значимые культурные реалии, точнее говоря, из слов – культурных маркеров, служащих репрезентантами таких концептов, как *Петербург, Москва, Медный всадник, Кремль, Владимирская горка* и т.д. Уровень коннотативного контекста предполагает, что культуроспецифичная информация содержится в семантике

единиц языка. Для получения подобной информации необходим анализ словарных дефиниций репрезентантов того или иного концепта. Ассоциативный уровень культурологического контекста отражает устойчивые ассоциативные связи, присущие лексическим единицам, с помощью которых получает языковую репрезентацию концепт. Например, образ Ташкента ассоциируется у носителей русского языка с теплым, «хлебным», изобильным городом. Метафорический контекст объединяет паремии, крылатые выражения, цитаты из литературных произведений, то есть текстовое выражение национальной культуры.

В процессе исследования концептосферы текста и сверхтекста следует учитывать динамику интерпретации концептов культурным сознанием. Сходные концепты могут сопровождаться положительной или негативной оценкой, в зависимости от ряда факторов могут реализовать различные признаки в концептосферах разных текстов и сверхтекстов, что дает материал для лингвокультурологического наблюдения.

Исследования текста и сверхтекста в русле лингвокультурологии предполагают и учет экспрессивности текста. Обращаясь к анализу сверхтекста, следует учитывать, какой экспрессивный эффект вызывают внетекстовый субстрат, отраженный в сверхтексте (например, некий город); какова общая коммуникативная стратегия создания данного сверхтекста (его составляющие строятся так, что вызывают определенное отношение носителей лингвокультуры к тому, что описано в пределах данного сверхтекста); каковы ценностные характеристики адресата сверхтекста, его мировоззрение и отношение к тому внетекстовому субстрату, вокруг которого объединен сверхтекст, поскольку экспрессивным является эффект подтвержденного ожидания, при котором адресат может прогнозировать дальнейшее развитие событий. Наконец, экспрессивность порождается различными единицами языка, прежде всего репрезентантами ключевых концептов в пределах текста и сверхтекста.

Таким образом, основной чертой лингвокультурологического исследования концептосферы сверхтекста являются учет того, что в основе сверхтекста лежат культурные коды, которые могут быть интерпретированы посредством анализа его языковой ткани. Подвергая анализу денотативный и сигнификативный аспекты данного текста или сверхтекста, рассматривая, из чего складывается его экспрессивность, исследователь подходит к сверхтексту как к знаку «языка» культуры. Однако свойственная тому или иному народу культурная картина мира неизбежно носит абстрактный характер, в то время как каждый конкретный текст предполагает собственное мировидение. В то же время в основе данного текста лежат культурные коды, которые могут быть интерпретированы посредством анализа его языковой ткани при помощи ряда методов и методик (концептуального анализа, аппликации концептограмм и т.д.), в том числе важнейшего лингвокультурологии метода глубокой интроспекции.

Во второй главе «Лингвистика сверхтекста как новая дисциплина в отечественном языкознании» ставилась задача разграничить и уточнить по-

нятия: *культурная картина мира, языковая картина мира, индивидуально-авторская, текстовая и сверхтекстовая картина мира* и представить городской сверхтекст в качестве объекта лингвистического и лингвокультурологического исследования.

В § 1 «Текстовая и сверхтекстовая картины мира» ставится вопрос о необходимости выделения, наряду с понятиями языковой, текстовой, индивидуально-авторской картин мира, понятия «сверхтекстовая картина мира». Каждой культуре присуща своеобразная модель мировосприятия, связанная с набором взаимосвязанных универсальных понятий. *Культурная картина мира* включает позицию воспринимающего мир субъекта, его отношение различным предметам и явлениям окружающего мира, сформированное на основе представлений, полученных с помощью органов чувств. Однако, наряду с ними, в ней присутствуют культурно-специфичные черты, поскольку каждая культура характеризуется особым мировосприятием. Культурная, или концептуальная картина мира тесно связана с языковой, поскольку все знания носителей той или иной культуры о мире фиксируются в языке. С одной стороны, национальная культурная картина мира полнее и глубже языковой, поскольку язык фиксирует не все элементы национального видения мира, так что культурная и языковая картины мира соотносятся друг с другом как целое с частью. В то же время языковая картина мира, отличаясь большей стабильностью и устойчивостью, оказывает влияние на формирование собственно культурной, поскольку именно благодаря языку культурная картина мира способна передаваться из поколения в поколение и подвергаться анализу.

Языковая картина мира представляет собой «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и осмысляемых языком связях представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает, среду и условия его существования: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» (Шведова, 2005).

Однако свойственная тому или иному народу языковая картина мира, единицы которой оказываются актуализированными на уровне слова, словосочетания, предложения, неизбежно носит абстрактный характер, в то время как каждый конкретный текст предполагает собственное мировидение. В тексте и сверхтексте осуществляется диалектическое взаимодействие объективного и субъективного, индивидуально-авторского сознания и восприятия действительности, характерного для всех представителей той или иной культуры на данном этапе ее развития. На всех уровнях иерархически организованной структуры художественного текста находит отражение *индивидуально-авторская картина мира*, в которой всегда взаимодействует общечеловеческое, национальное и личностное и которая строится на основе метафоризма.

Текстовая картина мира в художественном тексте создается языковыми средствами. Прежде всего авторская модель мира отражается на лексическом

уровне, поскольку существует явная зависимость и частотности используемых в тексте лексем, и набора семантических групп от авторской концепции. Выявить ее особенности возможно посредством анализа ключевых художественных концептов текста, которые, в отличие от собственно языковых, выражают индивидуально-авторское осмысление того или иного явления и характеризуются особенной образностью, символичностью (Аскольдов, 1997). Репрезентация подобных концептов в тексте или совокупности текстов носит уникальный характер: в основе художественного концепта лежит ассоциация, он заключает в себе не только потенцию к раскрытию образа, но и разнообразные эмотивные смыслы, тяготеет к образам и направлен на них. В тексте происходит фиксация индивидуальных концептов автора и национально-культурных концептов, значимых для этноса, к которому относится писатель и на языке которого он создает свой текст, причем данные концепты выстраиваются определенным образом и реализуют своеобразные оттенки смысла, связанные с личностью автора, с теми или иными фактами его биографии и мировоззрения, с эпохой, в которую создавался данный текст, с его жанром или особенностями сверхтекстового единства, в которое он входит.

Анализ концептосферы необходим и в процессе исследования *сверхтекстовой картины мира*, которая представляет собой *сложно организованное семантическое пространство данного сверхтекста; картину мира, характерную для данного сверхтекста, включающую элементы субъективного, характерного для индивидуально-авторских картин мира каждой составляющей сверхтекста, и одновременно отражающую объективный, целостный, присущий всем составляющим сверхтекста взгляд на данный внетекстовый объект*. Сверхтекстовая картина мира складывается в пределах особым образом организованных систем текстов, в основе которых лежат мифологические коды. Через исследование концептов, ставших ключевыми для большинства текстов, входящих в сверхтекст, обобщение особенностей концептосферы всего сверхтекста и формулировку законов ее строения возможным становится постижение глубинной мифотектоники данного сверхтекста, связанной с той культурой, в рамках которой он создавался, постепенно пополняясь все новыми составляющими.

Для изучения сверхтекстовой картины мира необходимо очертить приблизительные границы концептосферы данного сверхтекста, выявив ядерный концепт, околядерные концепты, а также основные концепты ближней и дальней периферии. Следует учитывать, что, являясь динамичным смысловым образованием, концепт может актуализировать в различных ситуациях разные признаки, связанные с мировоззренческими, культурно-историческими, культурно-языковыми, индивидуально-смысловыми смысловыми оттенками, привносимыми в концепт в соответствующей лингвокультуре, поэтому в рамках того или иного сверхтекста могут быть реализованы признаки концепта, которые оцениваются как необычные с точки зрения русской языковой картины мира в целом.

Описание сверхтекстовой картины мира на основе концептосферы данного сверхтекста позволит получить доступ к четырем уровням содержащегося в

нем культурологического контекста: денотативного, коннотативного, ассоциативного и метафорического, – выявить отразившиеся в нем ментальные предпочтения нации и сделать вывод о значении этого сверхтекста для развития той или иной культуры.

§ 2 «Лингвокультурные особенности городского текста художественной литературы» посвящен характеристике сверхтекста данного типа с точки зрения лингвокультурологии. Особенный интерес для изучения русской лингвокультуры заслуживают локальный сверхтекст художественной литературы, связанный с изображением того или иного места, сыгравшего определенную роль в истории народа, и его разновидность – городской сверхтекст, в центре которого находится образ значимого для народа города, обладающего особой мифопоэтикой и в котором неизбежно получают отражение характерные для города доминантные точки, помогающие раскрыть его внутреннюю сущность, перейти от сугубо эмпирического образа города к его художественному восприятию и воплощению. Городские сверхтексты художественной литературы составляют большую часть локальных сверхтекстов, и их исследование необходимо не столько для постижения того, какой интерпретации в рамках данной культуры подвергается тот или иной город, сколько для понимания закономерностей самой культуры. В центре внимания в данной работе находятся коллективно-авторские, несобранные, актуальные, неоднотипно структурированные городские сверхтексты.

Разумеется, цельный образ того или иного города-текста всегда индивидуален, но в то же время можно говорить о нескольких основных культурных типах города, выделяемых авторами работ о городских текстах: эксцентрическом и концентрическом, мужском и женском типах, типах города-девы и города-блудницы. Разумеется, анализируя какой-либо город и сверхтекст, в основе которого он находится, нельзя основываться лишь на одной из перечисленных типологий: как текст самого города, так и порожденные им сверхтекстовые единства включают в себя признаки разных типологических рядов. В основе городского сверхтекста русской художественной литературы могут лежать мифологемы «город-тюрьма»; «город-магазин»; «город-гора»; «город-пещера»; «город-рай»; «город-ад»; «город-призрак»; «город-лабиринт»; «город-ловушка»; «город-пустыня»; «город-пустота», «город – дом»; «город – любовь»; «город – Родина»; «город – прошлое (детство, юность)»; «город – часть самого человека»; «город – почва»; «город – пространство, имеющее постоянные атрибуты (транспорт, асфальт)»; «город – море»; «город – одиночество»; «город – противопоставленное даче пространство»; «город – склад»; «город – джунгли»; «город – бренд»; «город – карьера»; «город – власть»; «город – смерть»; «город – механизм»; «город – улей»; «город – праздник / мечта» (Воднева. 2011).

Используя термин «мифологема», мы подчеркиваем, что, с одной стороны, мифологема представляет собой динамическую единицу, «развертывание устойчивого образа» в пределах конкретного сверхтекста, с другой – мифологема, связанная с тем или иным городом, может представлять собой сплав нескольких образов. Например, мифологема «Москва сакральная» включает в се-

бя элементы образов Москвы – города-Феникса, города сорока сороков церквей и т.д.

Типология городских сверткестов русской художественной литературы представлена на рисунке 1.

Рис. 1 – Типология городских сверткестов русской художественной литературы

В русской культуре и художественной литературе сложилось несколько ведущих городских сверткестов, что доказывает как значимость данных городов в истории народа, так и богатство отечественной культуры. Так, первостепенное значение для отечественной культуры имеют Петербургский и Московский тексты отечественной литературы и т.д. В отечественной культуре, бесспорно, существует ряд связанных с провинцией локальных сверткестов, исследование которых необходимо для ее лучшего постижения. В связи с недос-

татком работ, где подвергались бы систематическому лингвокультурологическому анализу городские сверхтексты отечественной литературы (например, Елецкий), в настоящее время оказывается неисследованным вовсе, или, по крайней мере, под очерченным выше углом зрения, огромный пласт русской литературы, оказываются непроясненными те внутренние тенденции русской культуры, которые связаны с положением России в мировом географическом и культурном пространстве и рельефно отражены именно в городских текстах.

В отечественной науке существуют две тенденции написания названий городских сверхтекстов: с заглавной буквы (Петербургский, Московский, Киевский текст) и со строчной буквы (петербургский текст и т.д.). Мы придерживаемся первого принципа, поскольку именно им руководствовался В.Н. Топоров, которого можно считать одним из основателей учения о сверхтексте. Заглавная буква в данном случае призвана подчеркнуть значимость городского сверхтекста как культурно-языкового феномена, важнейшего фрагмента отечественной культуры, изучение которого позволяет постичь ее особенности.

В процессе лингвокультурологического исследования того или иного городского сверхтекста необходимо выявление культурного кода или кодов данного города, лежащих в основе городского сверхтекста и проявляющихся в его языковой ткани, что позволит описать основные особенности его мифотектоники. Мифологемы городов, которым посвящены те или иные сверхтексты, становятся тем фундаментом, на котором строится сверхтекстовая картина мира, объединяющая отдельные признаки русской языковой картины мира в целом, а также индивидуально-авторских картин мира, связанных с каждой составляющей сверхтекста. Так, сверхтекстовая картина мира, присущая Петербургскому тексту русской литературы, в которой большинство концептов, сопровождающихся в русской языковой картине мира положительной оценкой, реализует негативные признаки, связана прежде всего с изображением столицы эксцентрического типа, города-блудницы, города-лабиринта, города-театра. Можно предположить, что от кода города до определенной степени зависит набор ключевых концептов, связанных с городским пространством.

Таким образом, городские сверхтексты составляют большую часть локальных сверхтекстов, и их исследование необходимо не столько для постижения того, какой интерпретации в рамках данной культуры подвергается тот или иной город, сколько для понимания закономерностей самой культуры.

В § 3 «Алгоритм лингвокультурологического анализа городского сверхтекста художественной литературы» определены методологические основы подобного исследования и приведено его подробное, пошаговое описание.

Исследование городского сверхтекста русской художественной литературы с позиций лингвокультурологии должно включать в себя два этапа. Первый из них представляет собой реконструкцию городского сверхтекста художественной литературы и включает в себя «профилированное чтение» текстов, в которых присутствует данный внетекстовый субстрат, связанный с образом значимого для данной культуры города, и которые могут быть гипотетически признаны составляющими единого сверхтекста и последующее выявление сходных

культурных маркеров сверхтекста. Тематическая привязка круга художественных текстов к тому или иному внетекстовому субстрату еще не означает их обязательную принадлежность к сверхтексту: все составляющие сверхтекста, связанные с тем или иным внетекстовым субстратом, должны обнаруживать общность его восприятия.

Итогом анализа образа города призвано стать выявление его мифологемы, то есть мифологических кодов данного города, лежащей в основе сверхтекста, что позволит описать основные особенности его мифотектоники. Для исследования городского сверхтекста может быть полезна методика анализа культурных значений и смыслов, с помощью которой возможно доказать, что тот или иной текст входит в данный сверхтекст, а также подвергнуть анализу формирование микросмыслов на основе культурно-специфичных значений, их комбинирование, в результате которого образуются культурные смыслы текстов, а также формирование макросмысла всего сверхтекста. В пределах того или иного локального сверхтекста будут формироваться сходные культурные значения и смыслы, идентифицировать которые помогут упоминания о реалиях городского пространства.

На основании описания основных мифологем, лежащих в основе городского сверхтекста, которого можно сделать заключение об особенностях мифотектоники городского сверхтекста и его принадлежности к *монокодовым* или *поликодовым* сверхтекстам. В основе монокодовых сверхтекстов лежит одна мифологема, то есть универсальный образ города в данной культуре, например «город-рай» для Ташкентского текста русской литературы. В основе поликодовых сверхтекстов лежит несколько мифологем, благодаря чему в сверхтексте, который, в целом, характеризуется целостной сверхтекстовой картиной мира, можно выделить несколько блоков, как, например, в Московском и Киевском текстах отечественной литературы.

Второй этап исследования городского сверхтекста художественной литературы представляет собой собственно анализ лингвокультурных особенностей концептосферы городского сверхтекста художественной литературы. Необходимо исследование языковой ткани городского сверхтекста с целью выявления случаев репрезентации его ключевых концептов. Городской сверхтекст представляет собой сложную семиотическую систему, и его концептосфера отличается сложностью, многослойностью. Неизбежным в процессе ее исследования будет обращение к анализу не только ядерного и околоядерных концептов, но и ряда концептов периферийной зоны. Ядро концептосферы городского сверхтекста составляет, по нашему мнению, концепт, связанный с тем топонимом, который лег в основу сверхтекста: *Петербург, Москва, Венеция, Лондон* и т.п., поскольку именно этому концепту отводится ключевая роль в создании особой сверхтекстовой картины мира. Ядерный концепт сверхтекста выявляется нами с помощью метода глубокой интроспекции на основе описанного исследователями (Радбиль, 2012) принципа «ключевых слов», который в данном случае позволяет обратить внимание на слова, служащие репрезентантами концептов, участвующих в организации мифотектоники сверхтекста. Наряду с принципом «ключевых слов», мы, таким образом, руководствовались принципом «куль-

турной разработанности» (Радбиль, 2012). По нашему мнению, околядерную зону концептосферы должны составлять значимые для данной культуры концепты, большинство из которых признаны Ю.С. Степановым константами русской культуры (*культура, вечность* и т.д.). Околядерные концепты являются, по классификации В.И. Карасика, абстрактными, включающими «характеристики бытия» (Карасик, 2009). Нам представляется логичным, что околядерную зону концептосферы городского сверхтекста составляют именно те концепты и суперконцепты, которые включают характеристики бытия города: *природа, культура, радость, тоска, свет, тьма, смерть, жизнь, вечность, счастье* и др. В периферийную зону концептосферы входят связанные с ними предметные концепты (например, *дом, церковь, кабак, дерево, река, солнце, луна, вода* и т.д.), а также антропоцентрические, цветовые, звуковые, одорические и вкусовые концепты.

«Принцип частотности» тоже использовался нами в процессе выделения ключевых концептов того или иного городского сверхтекста: в работе подвергнуты исследованию концепты, каждый из которых получает репрезентацию в нескольких составляющих того или иного сверхтекста. В целом, для постижения особенностей данной сверхтекстовой картины мира необходим анализ концептов, связанных со следующими сферами: культурные реалии (*Медный Всадник, метро, Крещатик, площадь святого Марка* и т.д.); время (*день, утро, ночь, вечер, лето, осень, зима, весна* и т.д.); явления природы (*дождь, туман, снег, ветер, река, дерево, птица* и т.д.); связанные со сферой природы концепты *свет, тьма*; концепты *жизнь, смерть*; концепты *сон, явь*; внешнее пространство (*дом, сад, улица, площадь, памятник, церковь, кабак* и т.д.); внутреннее пространство (*лестница, комната, стол, кровать* и т.д.); эмоциональная сфера (*радость, тоска, счастье* и т.д.); цвета (*красный, зеленый, синий, желтый* и т.д.); звуки (*грохот, звон, музыка, пение* и т.д.); запахи (*запах* и т.д.); вкусовые ощущения (*чай, вода, вино, шашлык, плов* и т.д.); антропоцентрические концепты, или «лингвокультурные типажи» (Карасик, 2009) (суперконцепты *мужчина, женщина*, а также концепты *чиновник, ростовщик, девушка, студент, старуха, ребенок* и т.д.).

В процессе анализа сверхтекста, созданного в пределах конкретной культуры, необходимо обращение к характерной для нее символике, в особенности цветовой. На интерпретацию цветовых концептов в русской языковой картине мира оказали влияние как славянские и западноевропейские, так и некоторые азиатские культуры. Так, если восприятие цвета в Петербургском и Московском текстах, в целом, близко к общеевропейскому, то, анализируя Ташкентский текст русской культуры, необходимо учитывать особенности не только русской, но и восточной, узбекской метафорики цветообозначения, которые могли повлиять на восприятие города авторами текстов, несмотря на то, что составляющие данного сверхтекста созданы на русском языке.

Исследователь призван определить принципы организации концептосферы данного сверхтекста (как правило, концептосфера городских сверхтекстов строится на основе принципов единства, бинарности (он включает в себя принципы антитезы и оксюморона) или тернарности). Концептосферы большинства

локальных сверхтекстов строятся либо на основе принципа бинарной оппозиции, либо с учетом данного принципа. Так, все околоядерные концепты Петербургского текста русской литературы, по нашим наблюдениям, вступают в отношения бинарной оппозиции. При этом концептосферы некоторых городских сверхтекстов построены по принципу антитезы (например, в Провинциальном тексте русской литературы создается словно бы два образа города – затхлый и богатый, маленький и достаточно крупный), тогда как в основе концептосфер Венецианского и Петербургского текстов русской литературы лежит не только принцип бинарной оппозиции, антитезы, но и принцип оксюморона: те характеристики, которые, казалось бы, не могут сочетаться друг с другом, обнаруживаются в пределах данных сверхтекстов. Так, члены концептных оппозиций *природа-культура*, *вода-камень*, *свет-тьма*, *жизнь-смерть* сближаются, причем положительно оцениваемые в русской языковой картине мира концепты (*вода*, *свет*) могут сопровождаться в этих сверхтекстах негативной оценкой. Напротив, отрицательный член оппозиции концептов *камень* в пределах Венецианского текста реализует положительные признаки.

Однако в структуру городского сверхтекста может быть положен и принцип единства. Так, в околоядерную зону концептосферы Московского текста входят концепты, как правило, не состоящие между собой в отношениях оппозиции, а взаимодополняющие друг друга. Концептосфера Венецианского текста русской литературы во многом строится согласно принципу тернарности: многие околоядерные концепты данного сверхтекста вступают друг с другом в отношения, при которых два концепта противостоят друг другу, а третий представляет собой своего рода промежуточное звено между ними: *свет-луна-тьма*, *сон-явь-вдруг*, *сон-явь-карнавал* и т.д.

Обязательными в процессе лингвокультурологического исследования концептосферы городского сверхтекста художественной литературы являются определение особенностей языковой репрезентации концептов городского сверхтекста; анализ интерпретации данных концептов в пределах городского сверхтекста (при этом особенное внимание должно уделяться различиям в признаках концептов, реализуемых в русской языковой картине мира и в сверхтекстовой картине мира); определение принципов построения концептосферы данного городского сверхтекста.

Необходимым итогом лингвокультурологического исследования концептосферы городского сверхтекста русской художественной литературы должен стать анализ характерной для него сверхтекстовой картины мира, которую можно сопоставить с русской языковой картиной мира. Это позволит сделать вывод о проявлении в нем особенностей той или иной культуры и о роли, которую городской сверхтекст играет в пределах этой культуры, прогнозировать его дальнейшее развитие и возможные изменения в его мифотектонике.

Алгоритм лингвокультурологического анализа городского сверхтекста представлен на рисунке 2.

Рис. 2 – Алгоритм лингвокультурологического анализа городского сверхтекста художественной литературы

Третья глава «Концептосфера столичных сверхтекстов русской художественной литературы» посвящена лингвокультурологическому анализу данных городских сверхтекстов: Петербургского, Московского и Киевского. Сложностью народного восприятия духовных центров России объясняется появление Петербургского, Московского, Киевского текстов русской литературы, которые, развиваясь на протяжении двух столетий, сохраняют свои ведущие темы и мотивы, свои типы героев и языковые особенности. Проникновение в концептосферы сверхтекстов и анализ общих и различных признаков, которые реализуют в их рамках значимые для русского народа концепты, делает возможным как переосмысление с новых позиций мифотектоники Москвы, Петербурга, Киева, претерпевшей за время существования городов серьезные изменения, так и постижение принципов национального мировоззрения.

Анализу был подвергнут примерный круг концептов, которые стали ключевыми для столичного городского сверхтекста отечественной литературы. Столица далеко не всегда отражается в посвященных ей произведениях в точности такой, какой она является в реальности: сверхтекст отражает особенности ее народного восприятия, которое не всегда объяснимо с рациональной точки зрения. Итогом исследования столичного сверхтекста должно быть постижение того, какие закономерности отечественной культуры проявились в его пределах, как отразились в нем менталитет и сознание нации.

В § 1 «Концептосфера Петербургского текста как центрального городского сверхтекста русской художественной литературы» подвергнуты анализу лингвокультурные особенности концептосферы данного сверхтекста.

С Петербургом связано достаточно много легенд, вызванных историей создания города, который, будучи создан по воле Петра I, которого в народе считали Антихристом, был воспринят русским культурным сознанием как нечто новое, враждебное привычному жизненному укладу. На мифотектонику будущего Петербургского текста оказало влияние и географическое положение города, которому постоянно угрожали наводнения. Суровые климатические условия, в которых пришлось поселиться жителям новой столицы, стали причиной не одной смерти. Постепенно в русском культурном сознании сложился миф Петербурга как фантастического города, имеющего особую, трагическую судьбу и обреченного на гибель. В XX в. петербургский миф был коренным образом переосмыслен. В сознании русского человека постепенно закрепился новый миф о городе-мученике, городе-страдальце. Петербургский текст, в основе которого лежат взаимосвязанные мифологемы зловещего, проклятого города и города-мученика, может быть признан поликодовым.

Наличие в русском языковом сознании противоречивых ассоциаций, связанных с концептом *Петербург*, подтверждает обращение к Русскому ассоциативному словарю, в котором выделяются составляющие концепта *Петербург* как с положительной, так и с отрицательной коннотацией, а также к русским пословицам и поговоркам. Таким образом, в Петербургском тексте создается весьма специфичное городское пространство, с одной стороны, отмеченное узнаваемыми реалиями петербургской жизни (Медный всадник, Сенная площадь, набережные Фонтанки и Мойки, Михайловский замок и т.д.), с другой – призрачное, фантазмагорическое.

Концепт Петербург получает в пределах данного городского сверхтекста с помощью всего нескольких репрезентантов: *Петербург*, *город*, *столица* и в сравнительно немногих случаях *Санкт-Петербург*, *Петрополь*, *Петроград*, *Питер*, *Ленинград*. О признаках, реализуемых концептом *Петербург* в пределах Петербургского текста русской литературы, можно судить по его концептограмме:

К: Петербург (168)

=: Петербург, Санкт-Петербург, Питер, Петрополь, город на Неве, город на болоте, город на костях, град Петров, Петра творенье, Петра создание, окно в Европу, Северная Пальмира, Северная Венеция, Северный Рим, Петроград, Ленинград, столица, столица севера, город; петербургский, питерский, петроградский, ленинградский, столичный, городской;

А: большой, гордый, пышный, строгий, многоводный, темный (2), гранитный, чудесный, омраченный, прозрачный, гордый, неуловимый, заклятый, проклятый, бесноватый, Достоевский, священный, великий (2), знакомый до слез, плавный, мягкий, золотой, медно-головой, предосенний, осиянный ратной славой, сырой, торжественный, бедный, не по-человечески прекрасный, чудесный, не по-людски страшненький, вечный, милый (2), душный, стройный (2), угрюмый, гнилой, легкий, воздушный, девственный, призрачный, одичалый, крамольный, опальный, зашитый, промозглый, неласковый, любимый, больной, пре-красно-страшный, люто замороженный (Петербург, Питер, город), мрачнейшая, военная, младшая, северная, больная, приневская (столица);

Pron: мой (3), не этот (1), весь (3), тот же (1), наш (а) (2);

S: роскошь столицы, мертвецы столицы;

Vs: быть, <быть> пышен, всплыть, подставлять небу темя, невольным памятником быть, <быть> явь, нас не касаться, <быть> в сентябре, <быть> в декабре, победить, уходить, <быть> впереди, <быть> не похож на себя, <быть> приятней, обращать мертвый лик в красные пределы, умирать, <быть> убран в иней, дышать, погружаться в сон, солон достаться, начать пустеть, приунуть, хотеть обрушиться, начинаться с воды, отлететь, колдовать, удушить, пьянеть, верить, бледнеть, мертветь, затихать, гореть, бредить;

Vo: нет Петербурга, быть в Петербурге, случиться в Петербурге, находиться в Петербурге, явиться в Петербург, удивляться жизни в Петербурге, надышаться пылью в Петербурге, толкаться (в Петербурге), пожелать (Петербургу); наделать шуму в городе, бродить за городом, вернуться в город, ложиться на город, покрыть город, любить город (2); ненавидеть город, стоять над... городом, странствовать по городу, спать над городом; раздвигать пропасть между градом и Евгением; ускакать из столицы, случиться в северной столице, окаймлять столицу, веять над столицей угнетенного Петра, писать отречение в мрачнейшей из столиц; быть в городе Петровом; Питеру свойственна надменность; идти на Ленинград; стать тихо в Ленинграде;

☒: красота, мужчина, холод, бес, вода, сон, тоска, тьма, смерть, некрополь, звезда, блуждающий огонь, грешник, блудница, великомученик;

Ф:

метафоры: «Божий враг»; «сонное озеро города»; «Ты в трех лицах темный бес, / Ты война, зараза, голод»; «В нем трезвости избыток»; «город муз» и пушкинских закатов»; «корабль, опущенный на дно»; «младший брат, наставник... Парижу»; «...Столица / Для безумных и светлых нас»; «не ставший моей могилой»; «город – вымысел»; «детище Петрово»; «созданье революционной воли»; «город змеи и Медного Всадника, Пушкина город и Достоевского»; «мозг всей России»; «великомученик Ленинград»;

сравнения: «в Петербурге жить, словно спать в гробу»; «болтаться ненужным привеском возле тюрем своих»; «Некрасив в эту пору наш город большой, / Как изношенный фат без румян»; «Когда приневская столица, / Забыв величие свое, / Как опьяневшая блудница, / Не знала, кто берет ее»; «Словно весь посеребренный, пышен / Петербург самобытной красотой»; «Ты – как грешник, видящий райский / Перед смертью сладчайший сон»; «Не столицей европейской / С первым призом за красоту – / Душной каторгой енисейской, / Пересылкою...; как сон»;

Voc: !Люблю тебя, Петра творенье, / Люблю твой строгий, стройный вид...»; «Люблю, военная столица, / Твоей твердыни дым и гром...»; «Красуйся, град Петров, и стой / Неколебимо, как Россия...»; «Милый город! где трудной борьбой / Надорвали мы смолоду грудь»; «Нет, ты утонешь в тине черной, / Проклятый город, Божий враг»; «О, город мой неуловимый, / Зачем над бездной ты возник?...»; «Петербург! я еще не хочу умирать»; «Мой девственный, мой призрачный!...»; «Отчизна моя, Ленинград / Российских провинций столица»; «Мы будем помнить, город стройный».

Гетерогенность концептосферы Петербургского текста получает выражение не только в ядерном концепте данного сверхтекста, но и в концептах ее окооядерной зоны, которая, как можно с уверенностью

утверждать, строится согласно принципу бинарной оппозиции. Все выделенные нами оппозиции концептов, значимых для большинства городских текстов (*природа-культура* (и ее свойственный Петербургскому тексту вариант *вода-камень*), *свет-тьма*, *сон-явь*, *тоска-радость*, *жизнь-смерть*), получают языковую репрезентацию и интерпретацию в пределах Петербургского текста русской литературы. Анализ членов каждой оппозиции и построение их концептограмм показывает, что оба концепта реализуют в пределах сверткста как положительные, так и негативные признаки. Нередко положительно оцениваемый концепт (*культура*, *свет*, *радость*, *жизнь*) в пределах Петербургского текста получает противоречивые, в том числе и негативные оценки. Члены концептных оппозиций, находясь в противостоянии, одновременно сближаются. Невозможно, таким образом, утверждать, что один из членов бинарной оппозиции носит исключительно положительный характер, а другой – негативный, поскольку положительное в определенной степени сближается с отрицательным, не переставая противостоять ему.

Особую группу концептов, входящих в зону ближней периферии, составляют те, что получают репрезентацию с помощью слов – культурных маркеров. Они связаны с околядерными концептами *природа* и *культура*: Нева (*Нева металась, как больной, в своей постеле беспокойной* (Пушкин. Медный всадник) (Пушкин, 1975, 3: 258)), Сенная площадь (*Около харчевен в нижних этажах, на грязных и вонючих дворах домов Сенной площади, а наиболее у распивочных, толпилось много разного и всякого сорта промышленников и лохмотников* (Достоевский. Преступление и наказание) (Достоевский, 1973, т. 6: 51)), Эрмитаж (*Звук шагов в Эрмитажных залах* (Ахматова. Поэма без героя) (Ахматова, 2003: 601), Невский проспект и т.д. Помимо этого, доминантными точками города являются в пространстве Петербургского текста Казанский собор, Медный всадник, Сенная площадь, Васильевский остров, Гороховая улица. Культурные маркеры часто представляют собой топонимы, многие из которых содержатся в названиях произведений, составляющих Петербургский текст русской литературы («*Невский проспект*» Н.В. Гоголя, «*Домик на Васильевском острове*» В.С. Титова, «*Пушкинский дом*» А. Битова). Однако наиболее важной чертой сверткста является почти полное отсутствие упоминаний о дворцах, музеях, театрах города, о таких архитектурных шедеврах, как улица Росси, Адмиралтейство и т.д. В свертксте создается не парадный образ города, а таинственное, пугающее пространство.

Концептосферу поликодового Петербургского текста можно представить в виде круга, центральное место в котором занимает ядерный концепт *Петербург*, к которому примыкают образующие бинарные оппозиции околядерные концепты *природа*, *культура*, *вода*, *камень*, *свет*, *тьма*, *сон*, *явь*, *тоска*, *радость*, *жизнь*, *смерть*, *страдалец*, *злодей*, в свою очередь связанные с периферийными концептами, каждый из которых реализует в свертксте разнообразные признаки. Полевая структура концептосферы Петербургского текста, включающая ядро, околядерную зону и периферию, представлена на рисунке 3.

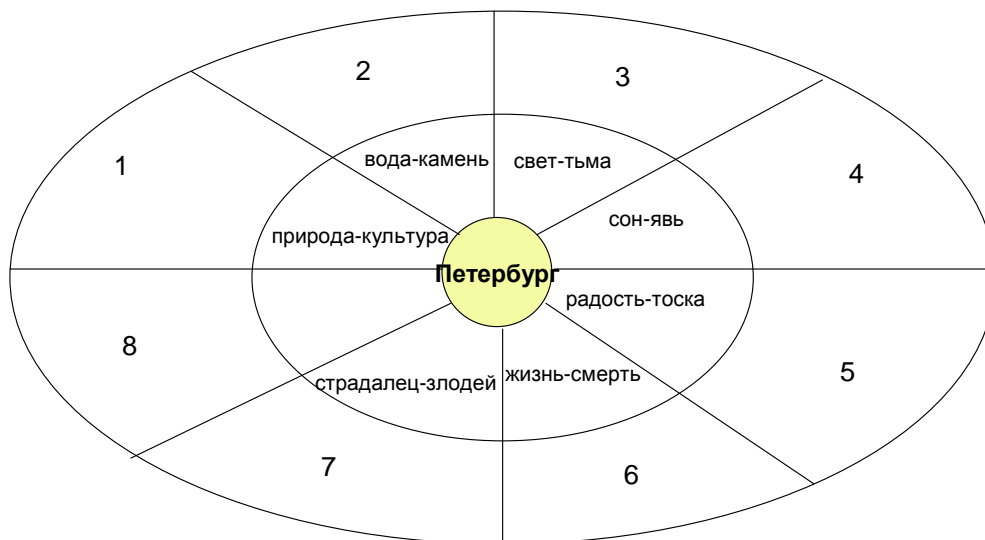

Рис. 3 – Концептосфера Петербургского текста русской художественной литературы

1 – вечер, ночь, утро, метель, ветер, жара, весна, лето, осень, зима – улица, проспект, набережная, мост, шпиль, дворец, фонтан, статуя, Медный всадник и другие концепты, получающие репрезентацию с помощью культурных маркеров, церковь, кабак, дом, концепты внутреннего пространства (окно, дверь, коридор, лестница, порог, угол, обои, замок, диван, комод, зеркало, кровать), ангел, бес; 2 – Нева, наводнение, море, взморье, волна, болото, сырость, влага, изморось, лужи, дождь, туман, снег, тучи – гранит, мрамор, мостовая; 3 – солнце, луна, светильник, лампа, лампада, фонарь, свеча, луч, день, утро, заря, закат, белизна, белые ночи – ночь, сумерки, вечер, чернота; 4 – маскарад, домино, сцена, кулисы, декорации, публика, пьеса, роль, актер, кукла; 5 – скука, печаль, хандра, грусть, уныние, беспокойство, тревога; 6 – гроб, саван, покойник, труп, похороны, отпевание, панихида, могила, кладбище, погост, призрак; 7 – антропоцентрические концепты: чиновник, проститутка, молодой человек, сумасшедший, самоубийца – ростовщик, старуха, карьерист; 8 – цветовые, звуковые концепты (белый, черный, красный, голубой, серый и т.д.).

Периферийные концепты данного городского сверхтекста могут вступать друг с другом в отношения бинарной оппозиции: *дом-улица*, *церковь-кабак*, *ангел-бес*. Подвергая анализу последнюю оппозицию концептов, следует отметить, что первый концепт связан с околоядерным концептом *культура* и относится к культурным маркерам городского пространства. Если присутствие бесов в городском пространстве ощущается героями сверхтекста как реальный, непреложный факт, то подлинный ангел появляется лишь в стихотворении А. Блока «Легенда» и в романе И.В. Головкиной «Лебединая песнь»: «Уж не стоял ли на том оранжевом облаке невидимый для них *Архангел*?» (Головкина, 2009: 705). Как правило, концепт *ангел* реализует здесь признак «статуя, скульптурный памятник», связанный со скульптурами Петербурга, хотя и памятник должен напоминать героям сверхтекста о существовании Высших сил и о Судном дне: *Божий ангел, зимним утром / Тайно обручивший нас, / С нашей жизни беспечальной / Глаз не сводит потемневших* (Ахматова. «Божий Ангел, зимним утром...») (Ахматова, 2003: 152); *Черных ангелов крылья остры* (Ахматова. «Как ты можешь смотреть на Неву...») (Ахматова, 2003: 138); *...И кренится в небе высокая мачта, / Где ангел крылатый и крест золотой* (Городницкий. «Опять разворочены мостовые...») (Городницкий, 2013: 105). Однако добро в Петербургском тексте смешивается со злом, и этим

объясняется то, что немаловажное место в организации концептосферы сверхтекста занимает периферийный концепт *бес*, получающий репрезентацию в словах *бес*, *черт*, *дьявол* и производных от них прилагательных, а также в описательном выражении *Владыка Мрака (Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут-таки разом и ухлопал себя, навеки!.. А старушонку эту черт убил, а не я...* (Достоевский. Преступление и наказание) (Достоевский, 1973, т. 6: 322); *Плачет, чтобы ночь протянулась не скоро – / Стыдно возвратиться с дьявольским клеймом...* (Блок. Обман) (Блок, 1971, т. 2: 136); *Хвост запрягал под фалды фрака... / Как он хром и изящен... / Однако / Я надеюсь, Владыку Мрака / Вы не смели сюда ввести?* (Ахматова. Поэма без героя) (Ахматова, 2003: 577). Вполне реальное присутствие в городском пространстве темных сил очевидно героям сверхтекста. Так, героиня романа И.В. Головкиной «Лебединая песнь наяву видит бесов и призраков, наводнивших пространство города: «Кто-то из нечистых поблизости..., вот уже серой запахло, и на диване серый комок ворочается» (Головкина, 2009: 834).

В процессе анализа концептосферы Петербургского текста важно обратить внимание на антропоцентрические концепты, которые появляются практически во всех его составляющих. Каждый из жителей Петербурга представляет собой либо страдальца, «маленького человека», страдающего, одинокого и беззащитного перед холодным, равнодушным к нему городом (*чиновник, проститутка, бедный молодой человек*), либо злодея, призванного доставлять мучения окружающим его людям (*ростовщик, старуха*). Тем не менее, анализ составляющих Петербургского текста показывает, что те его герои, которые воплощают в себе зло, не менее несчастны, чем безвинные страдальцы.

Анализ цветовых концептов Петербургского текста показывает, что они, подобно другим значимым для данного сверхтекста концептам, нередко реализуют негативные признаки. В цветовой палитре Петербургского текста практически нет коричневого цвета, редко встречаются розовый, фиолетовый, золотой и серебряный. Город, образ которого создается в этом сверхтексте, изображается с помощью сопутствующих друг другу черного и белого и холодных, связанных с водой и туманами синего, голубого, серого, зеленого цветов. Однако яркие и теплые цвета: желтый, красный и огненный – в пределах Петербургского текста почти полностью утрачивают свойственные им положительные признаки.

Определенного внимания требуют звуковые концепты любого городского текста, составляющие особую группу. Многочисленные реализации в Петербургском тексте получают концепты *шум, гудение, песня, скрип, звон, сигнал горна, рожок, фортепианная музыка, шарманка, оркестровая музыка, голос, звонок, ветер, бой часов, вой, звуки неземного мира*. Можно, однако, отметить, важность для создания сверхтекстовой картины мира, характерной для Петербургского текста, частотность употребления концепта *звуки неземного мира*: «И сама я была не рада, / Этой адской арлекинады / Издалека заслышав вой» (Ахматова. Поэма без героя) (Ахматова, 2003: 593). Одорические и вкусовые концепты не играют особенной роли в формировании сверхтекстовой картины мира данного сверхтекста: хотя в его составляющих

можно встретить немногочисленные упоминания о запахах (*И кладбищем пахла сирень* (Ахматова. Поэма без героя) (Ахматова, 2003: 588); *Опять вонь из лавочек и распивочных* (Достоевский. Преступление и наказание) (Достоевский, 1973, т. 6: 74)), как правило, оцениваемых негативно и способствующих созданию смыслового пространства, в котором человек обречен страдать. Некоторые из них находятся друг с другом в отношениях бинарной оппозиции: *природа-культура, свет-тьма, радость-тоска, сон-явь, вечность-суета*. Важную роль во всех сверхтекстах, подвергнутых анализу, играют концепты, получающие репрезентацию с помощью культурных маркеров, а также концепты, связанные с устойчивыми типами героев. Во всех столичных сверхтекстах отечественной литературы немаловажное место занимают цветовые концепты, тогда как звуковые концепты имеют несколько меньшее значение для создания сверхтекстовой картины мира данных систем. В Киевском тексте русской литературы достаточно значимыми становятся и концепты, связанные с запахами города.

В основе концептосферы Петербургского текста русской художественной литературы лежит принцип бинарной оппозиции, причем концепты, традиционно положительно оцениваемые носителями русского языка (например, *дом, церковь, улица*), сближаются с негативно оцениваемыми членами оппозиции, обогащая свое содержание и реализуя в пределах сверхтекста новые, не свойственные им признаки. Кроме того, многие концепты Петербургского текста, в том числе ядерный концепт *Петербург*, концепты *вода, камень* и т.д. внутренне полярны, двойственны, и их стороны тоже находятся друг с другом в оппозиционных отношениях.

Можно сделать вывод, что в пределах Петербургского текста русской литературы XIX-XXI вв. создается особая сверхтекстовая картина мира, в которой получают интерпретацию многие концепты, ключевые для русской культуры. Однако она характеризуется особым восприятием петербургской действительности, во многом отличающимся от традиционных представлений о культурной столице России. В данном городском поликодовом сверхтексте, который строится в большей степени на основе мифологем зловещего, бесовского города и города-страдальца и концептосфера которого организована согласно принципу бинарности, создается пространство, в котором нет места счастью и человек обречен на страдания.

В § 2 «Специфика концептосферы Московского текста русской художественной литературы» проводится анализ лингвокультурных особенностей концептосферы данного городского сверхтекста.

В русской культуре почти с того момента, когда Петербург был провозглашен столицей, закрепилась традиция противопоставления нового города Москве, часто сближаемой с провинцией и в то же время остававшейся в сознании русского человека Третьим Римом, оплотом православия, хранительницей освященных временем традиций. Думается, что немалую роль в истории восприятия народным сознанием Москвы сыграло ее нравственное влияние на русское общество: именно Москва получила статус церковной столицы Руси, где подолгу гостил митрополит Петр, именно вокруг Москвы со

временем образовался союз князей, войска которых одержали первую подлинно народную победу над татарами на Куликовом поле. Особенное значение для формирования в народном сознании образа Москвы как оплота православия, а впоследствии и для появления Московского текста русской культуры имел миф о Москве – Третьем Риме, унаследовавшем истинную веру. В то время как о Петербурге слагались мрачные легенды, связанные с неизбежной гибелью города, то Москва представляла в посвященных ей преданиях как благочестивый город. В основе поликодового Московского текста русской художественной литературы лежит несколько мифологем: «Москва сакральная» и тесно связанные с ней мифологема «Москва – Третий Рим», «город-Феникс», «дом Пресвятой Богородицы»; «Москва бесовская» и связанная с ней мифологема «Второй Вавилон»; «Москва праздничная». В пределах одной и той же составляющей сверхтекста, одновременно проявляются различные мифологемы (в таких составляющих сверхтекста, как «В круге первом» А.И. Солженицына, «Асфальт» Е.В. Гришковца, «Синдикат» Д.И. Рубиной, одинаково значимую роль играют мифологемы «Москва сакральная» и «Москва бесовская»).

Важным признаком Московского текста русской литературы следует признать и то, что не во всех его составляющих действие происходит исключительно в Москве. Многие из текстов, связанных с изображением Москвы, могут считаться частью Московского текста, поскольку в его пространстве получают языковую репрезентацию значимые для него концепты, реализующие сходные признаки во всем пространстве данного сверхтекста, благодаря чему складывается единая сверхтекстовая картина мира. Так, пушкинский «Евгений Онегин» и «Война и мир» Л.Н. Толстого, где изображены не только Москва, но и Петербург, и провинция, тем не менее, в пределах этих текстов создается картина московской жизни, соответствующая общему настроению сверхтекстового единства. Это относится и к таким современным составляющим сверхтекста, как «Асфальт» Е.В. Гришковца и «Синдикат» Д.И. Рубиной, персонажи которых не являются урожденными москвичами и много путешествуют по России, но вновь и вновь возвращаются в Москву. Таким образом, данные тексты можно расценивать как содержащие элементы Московского текста и, следовательно, как его составляющие.

Московский текст русской литературы может быть признан наиболее крупным и значимым для русской культуры городским сверхтекстом после Петербургского, причем обе сверхтекстовые системы начали складываться практически одновременно, в XIX веке. Концептосферу Московского текста русской литературы можно представить в виде круга, в центре которого находится ядерный концепт *Москва*, получающий репрезентацию в словах и описательных выражениях *Москва, матушка, престольная, первопрестольная, белокаменная, златоглавая, всем городам мать, Третий Рим, православная столица*. Хотя большинство репрезентантов концепта *Москва* имеет положительную коннотацию, в Московском тексте русской литературы концепт *Москва* реализует различные признаки. Особенности его репрезентации и интерпретации получают отражение в концептограмме:

К: Москва (137)

=: Москва, матушка, Белокаменная, Златоглавая, Престольная, Первопрестольная, Третий Рим, царица Руси, всем городам мать, столица, город; московский, столичный, городской;

А: древняя (2), старая, коренная (2), кондовая, прочная, ночная, пьяная, добродушная, прежняя, неизменная, красивая, старинно-красивая, истово-нарядная, нелепая, милая (2), родная (2), православная, дорогая, золотая (2), розовая, самая лучшая (столица), летняя, раскаленная, февральская, стылая; образцовый, суматошный, большой (4), ужасный, невозможный, вязевый, дивный, мирный, огромный, срединный, сердечный, новый, полный злости и безумия, ненаселенный, притягательный (город), могучий, цветастый (китч);

Pron: вся (3), не та, моя (4), наша, сия, этот (2);

S: домики Москвы (2), улицы Москвы, круги столицы, (литературная) жизнь столицы, (престижные) места столицы;

Vs: сидеть на корточках, <быть> купчихою, <быть> дворянкой, <быть> мещанкой, звучать, стоять, светиться всеми огнями, шевелиться тысячами машин, устать от зимы, отчаянно веселиться, не интересоваться как город, есть блины, производить сильное, неизгладимое впечатление, обрюзгнуть, одряхлеть, зашуметь, задрожать, затрепетать, уходить;

Vo: жить в Москве, быть с Москвой, служить в Москве, думать о Москве, ударить над Москвой, ехать по Москве, презирать Москву, выбрать Москву, видеть древнюю столицу, озирать город, любить город, озарить город светом, быть воскормлен Москвой, лететь над Москвой, следовать в Москву / через Москву;

F:

метафоры: «матушка Москва» (2), «странноприимный дом», «магическое слово», «семихолмная растараша», «сеть паучиная», «неряха», «красавица распушенная», «сердце всей Руси святой», «девица», «княгиня», «разумница», «няня», «старушка», «бабушка», «купчиха», «мещанка», «дворянка», «языческое удельное княжество», «московскость – лучший товарный знак», «город-монстр», «(у нее) есть своя душа, своя жизнь», «могучий цветастый китч, бьющий публику наповал золотыми кеглями куполов», «румяная моя судьба»;

сравнения: «как смоковницы листва»; «как паук семиногий, готовый подпрыгнуть под облако»; «семихолмною... растарашей»; «подобно красавице, показывающей только вечером свои лучшие уборы»; «словно самка спящего страуса»; «точно сеть паучиная»; «решительно скажу: едва / Другая сыщется столица как Москва»; «не обыкновенный большой город, каких тысяча»; «не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке»;

☒: мать, женщина, невеста, хлебосольство, старина, Кремль, метро, суета, монстр;

Voc: «Как часто в горестной разлуке, / В моей блуждающей судьбе, / Москва, я думал о тебе!..»; «Москва! Какой огромный / Странноприимный дом / Всяк на Руси – бездомный. / Мы все к тебе придем»; «О, языческое удельное княжество Москва!..».

Околоядерные и периферийные концепты Московского текста, как правило, не состоят между собой в отношениях оппозиции, а взаимодополняют друг друга, например, природное начало здесь органично сочетается с культурным. Полевая структура концептосферы Московского текста отражена на рисунке 4.

Рис. 4 – Концептосфера Московского текста русской художественной литературы

1 – дождь, снег, река, пруд; 2 – ветер, метель, трава, дерево, птица, тьма, бес, лето, осень, зима, весна; 3 – дом, церковь-кабак, колокол, звон, колокольня, Кремль, Иван Великий и др. концепты, получающие репрезентацию с помощью культурных маркеров, метро, улица, проспект, площадь, переулок, перекресток, бульвар, концепты внутреннего пространства, сад, парк, сквер, аллея, огород, роща, палисадник; 4 – свет, солнце, луна, светильник, лампа, лампада, фонарь, свеча, луч, день, утро, заря, закат, белизна; 5 – гроб, покойник, похороны, отпевание, панихида, могила, кладбище, погост, памятник, поминки, саван; 6 – цветковые, вкусовые концепты (красный, золотой, зеленый, колокол, чай и т.д.); 7 – дева, мать, старуха, молодой человек, карьерист; 8 – тоска.

Для Московского текста особую важность приобретают концепты *природа, вода, культура, свет, тьма, жизнь, смерть, радость, тоска, счастье*, которые входят в околоядерную зону концептосферы данного сверхтекста. Ключевые концепты Московского текста русской литературы, как правило, не состоят между собой в отношениях оппозиции, а взаимодополняют друг друга, например, природное начало здесь органично сочетается с культурным. Они, как правило, реализуют в нем признаки, характерные для них в русской языковой картине мира.

Анализ антропоцентрических концептов сверхтекста позволяет выявить, что наиболее важное, центральное место среди его героев занимают женщины. В смысловой организации данного сверхтекста играют особую роль концепты *дева, мать, старуха*.

Говоря о цветовой гамме Московского текста, следует подчеркнуть, что в нем получает отражение присущая городу пестрота, путаница разных цветов и оттенков. Существенную роль в пространстве данного сверхтекста играет образ огня. Можно сделать вывод, что большинство цветковых концептов реализует в Московском тексте русской литературы признаки, характерные для них в русской языковой картине мира. Наиболее частотными цветами в палитре Московского текста остаются красный, золотой, белый и синий. Можно отметить значимость для формирования сверхтекстовой картины мира Московского текста звукового концепта *колокол* и вкусового концепта *чай*.

Таким образом, тексты, объединенные образом Москвы, несмотря на их разнообразие, можно считать составляющими единого поликодового сверхтекста, в основе организации концептосферы которого лежит принцип единства (его концепты нередко не состоят между собой в отношениях оппозиции, а взаимодополняют друг друга). Кроме того, можно выявить в его концептосфере немногочисленные бинарные оппозиции концептов: *церковь-кабак*. В большинстве составляющих Московского текста проявляются светлые представления русского народа о Москве. Для сформированной в нем сверхтекстовой картины мира в большей степени характерно восприятие Москвы как целостного, гармоничного пространства, в котором возможна счастливая жизнь и для которого важность представляют традиционные ценности русской культуры.

В § 3 «**Основные особенности концептосферы Киевского текста русской художественной литературы**» производится анализ лингвокультурных особенностей концептосферы данного сверхтекста.

Киев отождествлялся в сознании человека Древней Руси с Иерусалимом, «богоспасаемым градом», и с этим была связана идея Киевской Руси как богосохранимой земли. В Киевском тексте русской литературы Киев воспринимается как город концентрического типа, благодатный город-дева. Позднее мифологема «Киева – матери городов русских» оказалась связана со сложившейся в конце XVIII – начале XIX вв. мифологемой Малороссии как благодатной, удивительно плодородной земли, сказочной страны изобилия. Украина воспринималась тогда как дальний край, куда стремится уставший от скучной столичной жизни человек, цель романтического бегства лирического персонажа.

Киевский текст русской литературы обнаруживает определенное сходство с Петербургским. Его можно признать поликодовым, поскольку в нем выделяются блоки текстов, связанных с «Киевом сакральным» и «Киевом бесовским», и отразились мифологема «город-рай» и «город-ад». Во многих составляющих Киевского текста («Вий» Н.В. Гоголя, «Белая гвардия» М.А. Булгакова, «Почерк Леонардо» Д.И. Рубиной) одновременно получают реализацию обе мифологема.

Ядерный концепт Киевского текста также реализует в пределах сверхтекста противоположные наборы признаков, представ в сверхтекстовой картине мира и как город-мужчина, старец, и как город-женщина, как сакральное и бесовское место одновременно. Однако следует отметить, что Киев, в отличие от Петербурга, нельзя однозначно причислить к городам эксцентрического типа: в сверхтексте отсутствуют какие бы то ни было указания на возможность его гибели. Он обладает сходством с Москвой, которая предстает в посвященном ей сверхтексте как концентрический город, несмотря на наличие мифологема «Москва бесовская», получающей реализацию в ряде составляющих Московского текста русской литературы.

Такой вывод позволяет сделать анализ топонимического концепта *Киев* как ядерного концепта, который играет важнейшую роль в создании единого смыслового пространства всех составляющих данного сверхтекста:

К: Киев (83)

=: Киев, город, старец, киевский, городской;

А: старый, многовечный, чудный, древний, светлый (3), чистый, тихий, чудесный, большой (2), веселый (2), зеленый, летний, невиданно прекрасный, южный, богатый, хороший (город), загадочный;

Pron: какой-то, свой, весь;

S: приезд в Киев, улицы Киева, весна в Киеве, верхняя часть Киева, районы Киева, проходные дворы Киева; глушь под Киевом, места под Киевом, окрестности Киева, товарищ из Киева; огни, запах, грохот, край (города);

Vs: встречать, похорошеть, принарядиться, заневеститься, заплывать, радовать, вымер, быть светел, быть прекрасен, шуметь, улыбаться, казаться окутанным облаком фаты, расстилаться (2), оживляться, спать (2), быть борим сном;

Vo: быть в Киеве, мечтать о Киеве, охватить Киев, приезжать в Киев (4), ездить в Киев, вызывать в Киев, свезти в Киев, поселиться в Киеве, ударять в Киеве, сделать Киев нарядным, сделать Киев цветущим, летать душой к Киеву, спешить в Киев, ступать по Киеву, любить Киев, знать Киев, стать вредным в Киеве, иметься в Киеве; ездить в город, соваться в город, возвышаться над городом, господствовать над городом (2);

☞: красота, старина, мужчина, старец, отец, родной, каштаны, базар, шум, выпечка, пустота, приятные запахи, змеи, сон, ведьмы, смерть;

F:

метафоры: «старец»; «родина нежная, звучащая мне во сне»; «отороченный белым пухом»; «отец родной»; «старый батяка»; «век бы спать ему»; «едут не в Киев..., а в пустоту»; «логово змиево»; «Киев заневестился»; «спит пращур городов»; «в ной лучей обернут»;

сравнения: «...Он, как лебедь, не спеша заплывал в Динкино сердце»; «...Древний Киев словно вымер»; «...Будто в гости к старой-старой бабушке, я вчера приехал в Киев»; «...Хожу по родному городу, как по кладбищу юных дней»; «под снегом Киев как во сне»; «Ах, этот Киев! Чудесный город, весь похожий на сдобную, славную попадью с масляными глазами и красным ртом»; «Киев... тоже казался Динке окутанным воздушным облаком фаты»;

Вос: «Здравствуй, старец величавый! Здравствуй, труженик святой!»; «Слава, Киев, чудный град!»; «Пробудися, Киев, снова!»; «Как часто я душой к тебе летаю, / О светлый град, по сердцу мне родной!».

Содержание ядерного концепта данного городского сверхтекста получает языковую репрезентацию в словах *Киев, город (град), столица*. В единицах Киевского текста русской литературы, организованных вокруг мифологемы «Киев сакральный», слово *Киев*, как правило, сочетается с определениями *старый, многовечный, чудный, древний, светлый, чистый, большой, веселый, зеленый, прекрасный*. Связанное с Киевом концептуальное поле включает в себя метафоры *старец, труженик святой, русской славы колыбель, пращур городов*. Таким образом, несмотря на то, что в народном сознании этот город стал «матерью городов русских», Киев, подобно Петербургу, часто предстает в большинстве посвященных ему текстов как город с мужской сущностью. Однако, в отличие от Петербурга, он обычно воспринимается как мудрый старец, жизнь которого если и была когда-то бурной, наполненной важными событиями, теперь состоит в тихих воспоминаниях о минувшей славе. Впрочем, в ходе анализа Киевского текста русской литературы можно обнаружить произведения, в которых концептуальное поле исследуемого нами концепта включает компоненты «девушка» и «молодая женщина»: «*Киев заневестился*», – ласково думала Динка (Осеева. Динка) (Осеева, 2006: 718); *Ах, этот Киев! Чудесный город, весь похожий на сдобную, славную попадью с масляными глазами и красным ртом* (Куприн. Инна) (Куприн, 1964, т. 7: 298).

Структура концептосферы Киевского текста русской литературы представлена на рисунке 5.

Рис. 5 – Концептосфера Киевского текста русской художественной литературы

1 – весна, лето, осень, зима, снег, каштаны, сад, сквер, палисадник, роща, Днепр; Крещатик, Подол, Владимир, Киево-Печерская лавра и др. концепты, получающие репрезентацию с помощью культурных маркеров, церковь, базар, дом, улица; 2 – Владимирская горка, Батыева гора; 3 – ведьма, ребенок; 4 – цветочные, звуковые, одорические концепты (черный, белый, синий, розовый, колокол, шум, запах, смрад, чад); 5 – гроб, саван, покойница, кладбище; 6 – солнце, звезда, огонь, лампа.

Рассмотрев основные особенности концептосферы Киевского текста русской литературы, можно сделать вывод, что практически каждый концепт, значимый для ее организации, реализует в сверткесте двойной набор признаков. В сверткестовой картине мира, которая складывается в пределах данной парадигмы текстов, Киев предстает как город-рай (чаще всего это в данном сверткесте получает реализацию мифологема «потерянный рай», о котором с любовью или горечью вспоминает человек, но иногда герой того или иного текста заново открывает для себя это прекрасное место) и как город-ад, подвластный воле ведьм. Эти две мифологема имеют практически равное значение в пределах Киевского текста. Кроме того, в пределах Киевского текста реализуются мифологема «город-гора» и «город-пещера». С одной стороны, Киев в восприятии, характерном для данного сверткеста, является благодатным, сакральным городом на горах, с другой – высокая, «горная» часть города противопоставляется низменному, светливому и грешному Подолу.

Большинство концептов Киевского текста реализуют два набора признаков, нередко противостоящих друг другу. Они часто вступают в отношения бинарной оппозиции (помимо оппозиций, характерных как для Петербургского, так и для Киевского текста, здесь обращают на себя внимание оппозиции *вечность-суета* и *гора-пещера*). Оппозиция околядерных концептов *вечность-суета* не играет столь важного значения, как в Киевском тексте, ни в одном другом столичном сверткесте русской литературы. Помимо данной оппозиции, околядерную зону концептосферы Киевского текста составляют оппози-

ции *природа-культура, гора-пещера, свет-тьма, радость-тоска, жизнь-смерть*. Почти каждый из членов данных бинарных оппозиций, за исключением концептов *радость* и *тоска*, реализует в сверхтексте двойственные признаки. С каждым из околоядерных концептов связано определенное количество периферийных концептов, анализ которых показывает, что двойственные, нередко противоречащие друг другу признаки характерны и для них. Так, обращает на себя внимание оппозиция концептов ближней периферии *колокол-шум*. Противоречащие друг другу признаки присущи практически каждому из концептов – культурных маркеров этого сверхтекста, а также цветовым концептам, наиболее важными из которых в пределах Киевского текста оказываются *черный, белый, зеленый, золотой, серебряный*.

Особую роль в формировании сверхтекстовой картины мира здесь играют одорические концепты. В текстах и фрагментах текстов, представляющих блок «Киев сакральный», концепт *запах* реализует в большей степени положительные признаки, в блоке «Киев бесовский» – отрицательные.

Определенный интерес представляет группа антропоцентрических концептов, связанных с устойчивыми типами героев Киевского текста русской литературы: *ведьма, ребенок*. В сверхтекстовой картине мира, характерной для Киевского текста, город предстает в восприятии либо ребенка, либо человека, с грустью вспоминающего свое киевское детство, ушедшее безвозвратно.

Четвертая глава диссертации «Концептосфера нестоличных сверхтекстов русской художественной литературы» посвящена лингвокультурологическому анализу сверхтекстов русской литературы, организованных вокруг образов русского провинциального города, а также нескольких зарубежных городов (Ташкентский и Венецианский тексты, а также индивидуально-авторские сверхтексты, к которым можно отнести Лондонский текст в произведениях Е.И. Замятина).

§ 1 «Проблема существования единого Провинциального текста русской художественной литературы и особенности его концептосферы» посвящен анализу лингвокультурных особенностей концептосферы Провинциального текста.

Ядерным концептом Провинциального текста русской литературы можно считать концепт *провинциальный город*, получающий языковую репрезентацию в слове *город* и в придуманных писателями топонимах, маскирующих подлинное название населенных пунктов, образы которых в той или иной мере отразились в данном тексте. Подвергнув анализу особенности репрезентации и интерпретации концепта *провинциальный город*, можно построить его концептограмму:

К: город (292)

=: город; град (встречается только один случай употребления этого репрезентанта); городок; городишка / городишко; городской; районный центр; Владимир, Вологда, Елец, Коломна, Лебедянь, Липецк, Серпухов, Нижний Новгород, Казань; NN (2), Глухов, Долгов, Калинов, Малинов, Окуров, С. (2), Стрелецк, Энгельс;

А: уездный (6), губернский (5), областной, бедный (2), скверный, тихий (4), снежный, жаркий, большой, громадный, малый, маленький (2), каменный, зеленый, заштатный, старый (2), мертвенный, шумный, многолюдный, могучий, железный, шахтерский, некрасивый, промышленный, особенный, заповедный, патриархальный, красивый, древний, благочести-

вый (2), богатый, любимый, сонный, полусонный, русский (2), подмосковный, полутатарский, сибирский, степной, южный, Богов, Богом хранимый, обреченный, затхлый, захолустный, родной, прежний; белая, крутобокая, мягкая (Вологда);

Pron: мой, наш (11), свой, весь (5), любой, этот, тот;

S: край города / городка, окраины города, район города, население города, размеры города, объемы города, перевоз под городом, рассказы про город, приезд в город, часть города (2), позор перед городом, сказка города, огни города, порядок в городе, нравы города, аэропорт города, звуки города, скрипы города, теплота города, глубина города, поверхность города, антенна города;

Vs: славиться, гордиться, ничем не отличаться, иметь, знать, говорить, в трубы трубить, лежать, умирать, уснуть, задуматься, лежать (как на ладони), блистать, жить (2), оживляться, разворачиваться, замирать, казаться большим / особенным / уныл и пуст / городом странным, быть огромный / огромен / неизведан / тесен / виден / проще / просторней / вымыт / на службе / взбудоражен / заброшен / глух / похож на монастырь / наполнен (страхами и запретами) / один из печальнейших городков России / крыт (соломой), пахнуть, состоять (из историй...), добираться, поглощать, kloкотать, улыбаться, дуться, есть, почивать, играть (в карты), сплетничать, торопиться, выспаться, надевать, ехать, показать (себя) (2), в грязь лицом не ударить (2), гудеть, конкурировать, ломиться (от богатства), торговать, переживать, сохранять, пылать, дымиться, вонять, вставлять (рамы), топить, одеваться, запасаться, чувствовать, всплывать (в воображении), перестать (быть живым, необходимым), добираться, пахать, боронить, хвалить, бранить, сохранять, смеяться, ставить (на ноги);

Vo: родиться в городе, жить в городе, умереть в городе, приехать в город / из города, ехать из города, везти в город, наезжать в город, говорить в городе, передавать в городе, подниматься над городом, побежать за город, лететь мимо города, быть за городом, быть замечательным / несчастным в городе, уехать в город, исходить город, ездить по городу, пробродить по городу, осматривать город, (не) произвести в городе шума, встречаться в городе, приближаться к городу, оглядеться в городе, говорить про город, рассказывать про город, купить в городе, показать в городе, не слышать в городе, кормить город, отвергать город, развестись «в городе», находить город; бросить в Малинов, видеть Малинов; вспомнить Арзамас;

☒: жара; церковь; звон; зелень; пыль; сон; пустыня; покой; смерть;

F:

метафоры: «куча разнохарактерных домов, домиков, лачужек»; «не город, а кладбище, как все эти города»; «лежащее тело»; «красавец»; «захолустье» (3); «город каменный – люди железные»; «город весь состоял из историй, знаков и манящих соблазнов»; «полон куполов, революции и сирени»; «та же деревня: на одном краю заиграют, на другом запляшут»; «заповедник нетронутой советской власти»; «мертвая зона»; «черт знает что»; «трущоба»;

сравнения: «город был похож на монастырь»; «пустыня не пустыня, а похоже на то»; «теплым, душистым, как жирный праздничный пирог, всплыл в моем воображении прежний Арзамас»;

гиперболы и литоты: «отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь», «городок, которого... на географической карте даже под телескопом не увидишь»; «Богом забытый городишка»; «один из печальнейших городков России»;

Voc: «Вологда», «белая Вологда».

Слово *город* сочетается с прилагательными-антонимами *красивый-некрасивый, большой-маленький, тихий-шумный, бедный-богатый, бедный-могучий, многолюдный-захолустный*, а также вступает в связь с антонимическими глаголами *оживляться-замирать, жить-умирать, славиться – не отличаться (ничем), хвалить-бранить*. Антонимичны и адресованные провинциальному городу описательные выражения *Богом хранимый – Богом забытый*. Анализ концептограммы показывает, что подобный город чаще всего воспри-

нимается как истинно русский, старый (старинный), тихий, благочестивый. Обращает на себя внимание способность слова *город* к сочетанию с выражающими резко негативную оценку именами прилагательными *затхлый, захолустный*: *Захолустный городок был невелик* (Мельников-Печерский) (Мельников-Печерский, 1979, т. 1: 381); *Затхлые подмосковные городки – вот где была мертвая зона. Во всех смыслах* (Рубина. Синдикат) (Рубина, 2012: 262).

Структура концептосферы данного сверхтекста, которая строится по принципу бинарности, представлена на рисунке 6.

Рис. 6 – Концептосфера Провинциального текста русской художественной литературы

1 – весна, лето, осень, зима, дождь, снег, река, сад, концепты, получающие репрезентацию с помощью культурных маркеров, церковь, монастырь, дом – улица, гостиница, тюрьма, вокзал, базар, магазин; 2 – солнце, звезда, огонь, лампа; 3 – могила, гроб, похороны, кладбище; 4 – дурак; 5 – цветовые, звуковые концепты (черный, белый, синий, розовый, колокол).

На формирование сверхтекстовой картины мира оказывают влияние прежде всего концепты, связанные с природной сферой, а также концепты, получающие репрезентацию с помощью культурных маркеров. Ключевыми концептами Провинциального сверхтекста отечественной литературы являются *покой, тоска* и *смерть*, обнаруживающие в его пределах тесную связь: *Маленький заштатный городок... освещен полуденным солнцем. Тишина и спокойствие* (Чехов. Надлежащие меры) (Чехов, 1970, т. 1: 144); *Над городом лежало оцепенение покоя, штиль на суше, какой бывает на море, штиль широкой, степной, сельской и городской русской жизни. Это не город, а кладбище, как все эти города* (Гончаров. Обрыв) (Гончаров, 1982: 194-195); *Тут чуть-чуть оживился, тут едва развернулся мертвенный в обычное время городок... Людно везде, но столь строго и чинно, что ему, заезжему человеку, безжизненным, мертвым все показалось. Скучно стало ему... Тоска напала на Петра Степаныча* (Мельников-Печерский. На горах) (Мельников-Печерский, 1979, т. 1: 386-387); *Уныл и пуст показался ему шумный, многолюдный город* (Мельников-Печерский. В лесах) (Мельников-Печерский, 1986, т. 2: 69). Герои составляющих того сверхтекста обычно делятся на «своих», которым открыты однообразные городские дома, которые подчиняют свою жизнь неписаным правилам, и «чужих», приезжих, не всегда способных понять и оценить подобный город.

Для Провинциального текста отечественной литературы характерно философское отношение к городской жизни, которая постепенно движется своим чередом и законы которой невозможно отменить. В нем получает реализацию мифологема, связанная с образом города как обособленной, во многом закрытой системы, существующей согласно собственным законам, то есть данный сверхтекст можно, несмотря на отразившиеся в нем различные стороны народного восприятия провинциального города, признать монокодовым.

§ 2 «Концептосфера Ташкентского текста русской художественной литературы» посвящен анализу лингвокультурных особенностей концептосферы данного сверхтекста, связанного с образом азиатского города и включающего не очень большое число составляющих. Несмотря на то, что Ташкент является сейчас столицей другого государства, Ташкентский текст продолжает свое развитие, пополняясь произведениями современных авторов, в частности Д.И. Рубиной, причем действие в этих произведениях происходит, как правило, в то время, когда Узбекистан и Россия были частями единого государства. Это монокодовый сверхтекст, определяемый мифологемой «город-рай». Ташкент воспринимается как концентрический город, чудесное место, где царит гармоничная, прекрасная жизнь и куда герою сверхтекста часто не суждено вернуться.

Построение концептограммы концепта Ташкент дает следующие результаты:

К: Ташкент (78)

=: Ташкент, (восточный) город; колониальная столица; ташкентский;

А: хлебный, сытый, невиданный, далекий, восточный, покладистый, азиатский, военный, послевоенный (2), горячий, пахучий, замысловатый, невероятный; вымышленный, нереальный, привычный, обаятельный, человечный, веселый (город);

Pron: тот, такой, какой-то, свой, мой, другой;

S: дорога на Ташкент, пригороды Ташкента, половина Ташкента, улицы Ташкента, центр Ташкента (2), окраина Ташкента, жизнь в Ташкенте, план Ташкента, концы города;

Vs: стоять, (быть) город хлебный, проходить, улыбаться, глядеть, измучить, не принимать, не должен быть забыт, сниться, накрепиться, погружаться, приоткрыть двери, запылать, зацветать, сотрясаться, плыть;

Vo: Быть в Ташкенте, бывать в Ташкенте, приехать в Ташкент (4), привезти в Ташкент, говорить про Ташкент, перебегать мыслями в Ташкент, подъезжать к Ташкенту, доезжать до Ташкента, мчаться в Ташкент, ходить в Ташкенте, выживать в Ташкенте, цепляться за работу в Ташкенте, написать о Ташкенте, родиться в Ташкенте(2), вырасти в Ташкенте, обитать в Ташкенте, оказаться в Ташкенте, жить в Ташкенте (3), остаться в Ташкенте, быть выше в Ташкенте, вернуться в Ташкент, стекаться в Ташкент, появляться в Ташкенте, перебирать Ташкент, цвести в Ташкенте, помнить в Ташкенте, эвакуировать в Ташкент (2), умирать в Ташкенте, быть не чужая Ташкенту, снести (город);

☞: хлеб, жара, солнце, изобилие, Азия, преступность, деревья, воздух, вода, птицы, лабиринт, дом;

F:

метафоры: «колониальная столица»; «Ташкент, до которого никогда не доедешь»; «город, которого нет больше ни на одной карте»; «Ташкента не существовало», стал медленно и неуклонно погружаться в воды океана времени», «когда кто-то при мне произносит имя “Ташкент”,... в памяти моей возникает гул проснувшихся горлинок за окном», «рухнувшая вавилонская башня», «мраморный халифат всех времен и народов»; «...Как запылал Ташкент в цвету»; «улицы послевоенного Ташкента... – глинобитные

извилины безумного лабиринта»; «стихийный интернационал», «великий Ноев ковчег», «казийский дом»;

сравнения: «...Заштрихован моей угрюмой памятью, как пейзаж – дождевыми каплями на стекле», «...Накренился, как корабль, с огромной пробоиной в боку», «перебирать Ташкент, как четки»; «...Как палец вам загнуть, / Так мне в Ташкенте жить»;

Вос: «О Ташкент, веселый город»; «Город мой, дорогой, как живешь, что с тобой»; «Рахмат, Ташкент! Прости, прости...».

Концепт *Ташкент* получает репрезентацию в словах *Ташкент, город* (в некоторых случаях в словосочетании *восточный город*) и – лишь в одном случае – в словосочетании *колониальная столица*. Ташкент предстает в посвященном ему сверхтексте как «хлебный», «сытый», «невиданный», «веселый», не похожий на другие город, где всегда тепло, где возможна счастливая жизнь, где царят изобилие и покой. В обращениях к Ташкенту звучат только теплые чувства. В то же время в сверхтексте наблюдается случай сочетания слова «город» с определением «далекий»: до Ташкента непросто добраться и в буквальном смысле (дорога туда долгая и трудная), и в переносном (в современных составляющих Ташкентского текста русской литературы присутствует понимание того, что прежний, воспеваемый героями данного сверхтекста город исчез («накренился, как корабль с пробоиной», «заштрихован... угрюмой памятью», рухнул, подобно Вавилонской башне и т.д.) и сохраняется лишь в памяти любивших его людей, а значит, приехать туда невозможно, хотя он манит к себе, мучит героев сверхтекста своей непонятностью и недоступностью.

Структура концептосферы Ташкентского текста русской художественной литературы представлена на рисунке 7.

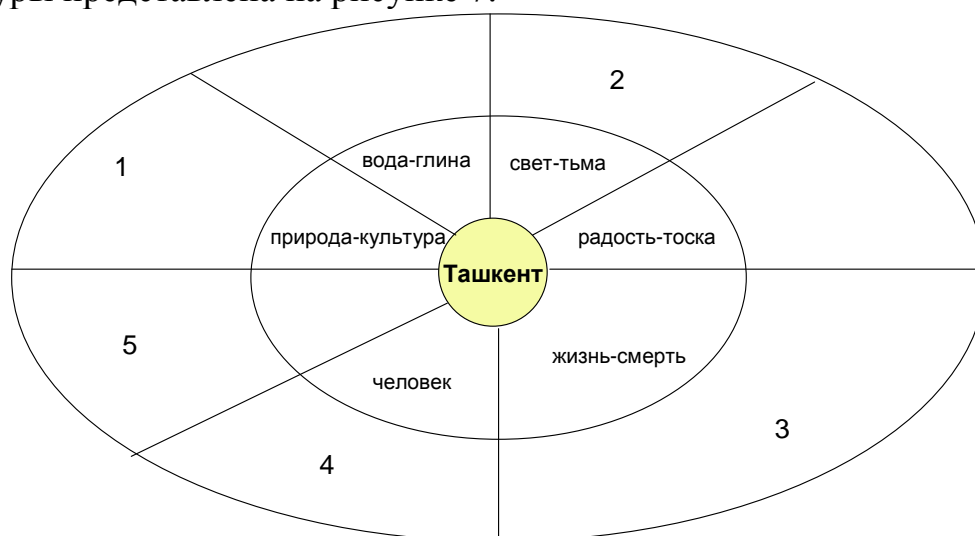

Рис. 7 – Концептосфера Ташкентского текста русской художественной литературы

1 – вода-глина, весна, лето, зима, дерево, сад, дом, базар, арык, ворота; 2 – сумерки; 3 – кладбище; 4 – выздоравливающий; 5 – цветочные, звуковые, одорические, вкусовые концепты (желтый, красный, зеленый, шашлык, плов, виноград, запах).

Ключевые концепты сверхтекста *природа-культура*, *радость-тоска*, *жизнь-смерть*, *свет-тьма*, а также периферийные концепты *дом-улица*, *вода-глина* состоят друг с другом в отношениях бинарной оппозиции. Концепт *культура* явно преобладает по количеству репрезентантов над концептом *природа*.

Концепт *культура* всегда сопровождается в пределах Ташкентского текста положительной оценкой. К сфере культуры относятся концепты, которые играют в сверткесте наиболее важную роль: *дом, базар, чайхана, арык, сад*. Героем Ташкентского текста часто является человек, возрождающийся к жизни после страшных ударов судьбы. Для формирования сверткестовой картины мира первостепенное значение имеют цветовые, одорические и вкусовые концепты, благодаря которым создается образ изобильного города.

В § 3 «Концептосферы сверткестов отечественной художественной литературы, связанных с европейскими городами» представлен анализ лингвокультурных особенностей концептосферы Венецианского текста русской художественной литературы, а также краткий анализ индивидуально-авторского Лондонского текста русской художественной литературы в творчестве Е.И. Замятина (ключевыми для него являются концепты *дом, магазин, туман*). Исследование произведений русской художественной литературы, созданных разными авторами, доказывает, что невозможно говорить о едином коллективно-авторском Лондонском тексте отечественной литературы.

Большое значение для отечественной культуры, по нашему мнению, имеет Венецианский текст отечественной литературы. С одной стороны, Венеция предстает в посвященном ей сверткесте как эксцентрический, обреченный город, близкое соседство которого с водой подсказывает, какая гибель ему уготована. С другой – Венеция, образ которой объединяет достаточно большое количество единиц данного сверткеста, отличается удивительной гармоничностью. Мифотектоника Венецианского текста русской литературы включает мифологему города-рая, где всякому человеку комфортно, и представляет собой своеобразный синтез мифов об эксцентрическом и концентрическом городе. В смысловой организации Венецианского текста русской литературы важное значение приобретает и такая мифологема, как «город-дева». Имя собственное *Венеция* в русском языке женского рода, и город, предстающий в сверткесте, явно имеет женскую природу. Концептограмма ядерного концепта *Венеция* подтверждает подобную особенность восприятия этого города:

К: Венеция (80)

=: Венеция, венецианский, венецейский, веницейский; город;

A: светлейшая, свободная, утренняя; обреченный, таинственный, нереальный, самый странный, мраморный, безлошадный, бесколесный, тонуший (город);

Pron: моя, этот (город);

S: величие Венеции, уголок Венеции, зыбкость Венеции, обветшалость Венеции, мосты Венеции, шлейф Венеции, книга о Венеции, карнавал в Венеции, купола Венеции, колокольни Венеции, муниципалитет Венеции, флаг Венеции, окраина Венеции, приезд в Венецию, свежесть Венеции, снег в Венеции, яд Венеции; каналы города, погружение города, исчезновение города;

Vs: лежать (как на ладони), (быть) та же / сконцентрирован / сжат / свернут / дьявольским сосудом / повернут / сродни (попытке воздуха удержать ноту от тишины), бывать (хорош), доживать, спать, засыпать, плыть (2), выглядеть;

Vo: быть в Венеции, побрататься с Венецией, смотреть на Венецию, прибывать в Венецию; идти (городу), строить (город);

☞: вода; карнавал; зеркало; картина; смерть; сон; женщина;

Ф:

метафоры: «сумеречный мир, созданный из бликов темной колыхающейся воды»; «великолепие сверкающей синевы, голубизны, бирюзы и лазури»; «лабиринт» (2); «город обреченных»; «царица моря»; «летучий остров в лагуне»; «город, с душой мужественной и женской»; «прошитый мостками, простеганный каналами город»; «и был весь город дьявольским сосудом»; «вместилище находок и чудес»; «Нищеты, великолепия / Изумительная смесь»; «край лагунный», «волшебный мир»; «город счастья», «красота столиц земных», «златовласая Киприда, дочь потоков голубых»;

сравнения: «город... свернут, как раковина»; «...Размокшей каменной баранкой / В воде Венеция плыла; «Венеция венецианкой / Бросалась с набережных вплавь»; «Город, как голос наяды, / В призрачно-светлом былом»; «Здесь, как в пестром маскараде, / Разноцветный караван»; «Город выглядит как толчея фарфора / и битого хрусталя»;

Вос: «Тяжелы твои, Венеция, уборы»; «Что же ты молчишь, скажи, венецианка...»; «Венеция! Как в пору дождей, ты / Живешь».

Модель концептосферы Венецианского текста отечественной литературы, представленная на рисунке 8, отражает, как сближаются в пределах этого сверттекста члены концептных оппозиций *природа-культура*, *вода-камень*, *свет-тьма*, *радость-тоска*, *жизнь-смерть*, *свой-чужой*, *сон-явь*, *радость-тоска*, *жизнь-смерть*.

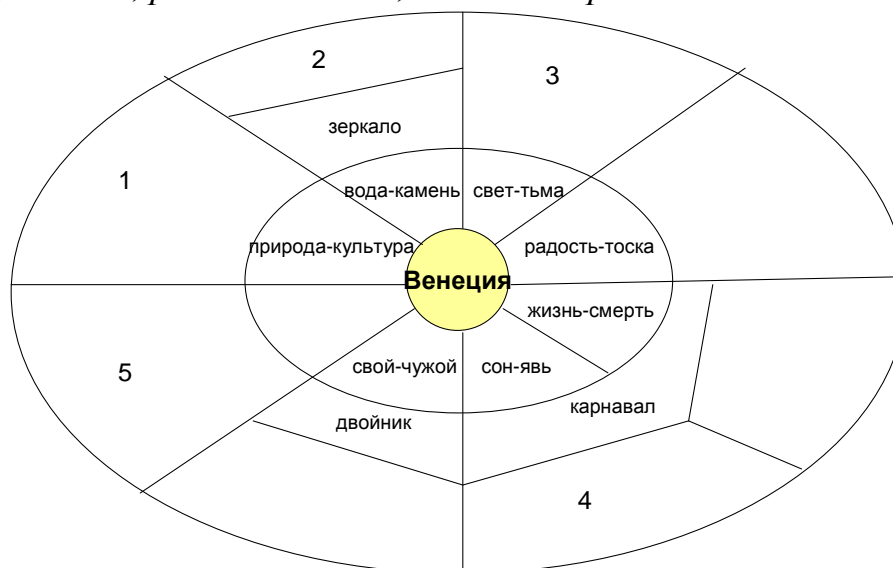

Рис. 8 – Концептосфера Венецианского текста русской художественной литературы

1 – весна, лето, осень, зима, дождь, снег, собака, кошка, голубь – Сан-Марко, Дворец Дожей и др. концепты, получающие репрезентацию с помощью культурных маркеров, улица; 2 – жемчуг, картина; 3 – луна; 4 – вдруг; 5 – цветовые, звуковые концепты (черный, белый, синий, розовый, колокол).

В основе концептосферы Венецианского текста одновременно лежат принципы бинарности и тернарности. Помимо концептов, типичных для большинства сверттекстов русской литературы, в его сверттекстовой картине мира важное место занимают концепты *карнавал*, *зеркало*. Что касается устойчивых типов героев, то для данного сверттекста, как и для Провинциального текста отечественной литературы, характерен тип приезжего.

Зарубежные города, вокруг которых складываются сверттексты, часто соединяются в русском культурном сознании с необычной, заманчивой жизнью в пространстве, которое, несмотря на свою привлекательность, остается для рус-

ского человека чужим. В Венецианском тексте русской литературы, а также в индивидуально-авторском Лондонском тексте, сложившемся в творчестве Е.И. Замятина, получает отражение любовь русского человека к родине, восприятие чужого пространства как странного, а нередко враждебного, несмотря на его причудливость и прелесть.

В **Заключении** подводятся итоги выполненной работы и намечаются перспективы дальнейших исследований городских сверхтекстов русской литературы. В основе городского сверхтекста художественной литературы явно обнаруживаются общие схемы, характерные для систем, созданных в пределах различных культур, поэтому этот феномен можно подвергать анализу лишь учитывая особенности данной культуры. Разработанная в данной диссертации методология лингвокультурологического анализа городского сверхтекста художественной литературы с позиций лингвокультурологии позволяет исследовать разнообразные сверхтексты, что открывает широкие возможности для их всестороннего анализа. Исследуя особенности мифотектоники сверхтекста, выявляя особенности репрезентации и интерпретации его ключевых концептов, в том числе с помощью построения их концептограмм, определение принципов строения его концептосферы (принципы единства, бинарности или тернарности), определяя основные характеристики сверхтекстовой картины мира, можно сделать вывод о чертах того или иного сверхтекста и той роли, которую он играет в данной культуре.

Городские сверхтексты, оставаясь важнейшей частью русской культуры, становятся одновременно средством ее постижения. Данные, полученные в ходе исследования концептосфер ключевых сверхтекстов русской литературы, могут быть использованы в ходе дальнейшего лингвокультурологического исследования подобных культурно-языковых феноменов. Перспективным является изучение городских сверхтекстов, включающих тексты других стилей, прежде всего публицистического. Так, возможно исследование Петербургского, Московского, Провинциального текстов публицистической, дневниковой, мемуарной литературы. В диссертационном исследовании разработан, апробирован и детально описан инструментарий, который может быть использован при анализе не только городских сверхтекстов, но и сверхтекстовых систем других видов. Дальнейшая работа, основанная на использовании предложенного анализа лингвокультурных особенностей концептосферы сверхтекстов, позволит развить основные положения, сформулированные в пределах данного исследования, и разработать новые методы и приемы исследования сверхтекста.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии

1. Шурупова, О.С. Лингвистика сверхтекста: Петербургский и Московский тексты русской литературы: монография / О.С. Шурупова. – Воронеж: ВГПУ, 2012. – 320 с.

2. Шурупова, О.С. Столичные сверхтексты: монография / О.С. Шурупова. – М.: ООО «Агентство печати «Столица», 2013. – 240 с.

3. Шурупова, О.С. Провинция в русской и английской литературе (городские сверхтексты) : монография / О.С. Шурупова. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес – Наука – Общество», 2014. – 179 с.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК

4. Шурупова, О.С. «Строгий, многоводный, темный город...»: Петербургский и Лондонский тексты / О.С. Шурупова // Русский язык за рубежом. – 2011. – №3. – С. 76-81.

5. Шурупова, О.С. Цветовая гамма Петербургского и Московского текстов / О.С. Шурупова // Русский язык за рубежом. – 2012. – №6. – С. 80-86.

6. Шурупова, О.С. К вопросу о сверхтексте / О.С. Шурупова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – №7-1. – С. 225-227.

7. Шурупова, О.С. «Дышал ноябрь осенним хладом...» (время действия в Петербургском тексте русской литературы) / О.С. Шурупова // Мир русского слова. – 2012. – №3. – С. 80-82.

8. Шурупова, О.С. Текстовая и сверхтекстовая картины мира как объект филологического изучения / О.С. Шурупова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – №3 (21): в 2-х ч. – Ч. 2. – С. 213-215.

9. Шурупова, О.С. Киевский текст русской литературы и ключевые особенности его концептосферы / О.С. Шурупова // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр. – 2013. – №1.4 (37) (Гуманитарные и общественные науки). – С. 44-57.

10. Шурупова, О.С. Мотивы «венецианских текстов» в современной прозе / О.С. Шурупова // Русская речь: Научно-популярный журнал Российской академии наук, Российского фонда культуры. – М.: Наука, 2013. – №4. – С. 33-38.

11. Шурупова, О.С. Основные концепты Венецианского текста русской литературы / О.С. Шурупова // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – №2. – С. 684-687.

12. Шурупова, О.С. Ключевые типы героинь Петербургского текста русской литературы / О.С. Шурупова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Филология. – 2014. – №2. – Т. 1. – С. 28-34.

13. Шурупова, О.С. Образ «маленького человека» в Петербургском и Лондонском текстах / О.С. Шурупова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – №4. – С. 120-123.

14. Шурупова, О.С. Природная сфера Московского текста русской литературы / О.С. Шурупова // Фундаментальные исследования. – 2014. – №8. – С. 1243-1246.

15. Шурупова, О.С. Особенности методологии исследования городского сверхтекста / О.С. Шурупова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – Выпуск 2. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2014. – С. 295-302.

16. Шурупова, О.С., Попова Е.А. Московский и провинциальный сверхтексты русской литературы в произведениях современных авторов / О.С. Шурупова // Вестник Воронежского государственного университета. Филология. Журналистика. – 2014. – №3. – С. 41-43.

17. Шурупова, О.С. Проблема существования Елецкого текста русской литературы (на материале произведений И.А. Бунина) / О.С. Шурупова // В мире научных открытий. Социально-гуманитарные науки. – 2014. – №11. 1 (59). – С. 762-777.

18. Шурупова, О.С., Попова Е.А. Роман И.В. Головкиной «Побежденные» («Лебединая песнь») как составляющая Петербургского текста русской литературы / О.С. Шурупова // Мир русского слова. – 2015. – №2. – С. 77-82.

19. Шурупова, О.С. Концепт дом в локальных сверхтекстах отечественной литературы / О.С. Шурупова // Когнитивные исследования языка. – 2016. – №25. – С. 1013-1019.

20. Шурупова, О.С., Коротина Г.И. Особенности анализа концептосферы городского сверхтекста / О.С. Шурупова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №7-1(61). – С. 161-163.

21. Шурупова, О.С. Город в поэмах М.Ю. Лермонтова / О.С. Шурупова // Русская речь: Научно-популярный журнал Российской академии наук, Российского фонда культуры. – М.: Наука, 2016. – №3. – С. 3-6.

22. Шурупова, О.С. Основные признаки сверхтекста как знаковой системы / О.С. Шурупова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №12. – Ч. 1. – С. 196-198.

Публикации в других изданиях

23. Шурупова, О.С. Вербализация представлений о весне в Петербургском и Московском текстах русской литературы / О.С. Шурупова // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы девятой международной конференции (Владимир, 22-24 сентября 2011 года) / Отв. ред. М.В. Пименова. – Владимир: ВГГУ, 2011. – С. 546-550.

24. Шурупова, О.С. Московский текст русской литературы и его основные ценности / О.С. Шурупова // «Свет Христов просвещает всех»: Материалы VI Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения» (26-27 ноября 2011 г.; г. Липецк – Задонск) [редкол.: Стюфляева Н.В. и др.]. – Липецк, 2011. – С. 152-156.

25. Шурупова, О.С. Концепт «дом» в смысловой организации Петербургского текста русской литературы // Школа молодых учёных по проблемам гуманитарных наук: сборник материалов областного профильного семинара. 16-17 июня 2011 г. [редкол.: Герасимова Е.Н. и др.]. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – С. 75-80.

26. Шурупова, О.С. Доминантные точки города как ключевые концепты городского текста / О.С. Шурупова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: сборник научных трудов. Выпуск 18 / Под ред. О.В. Загоровской. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. – С. 69-74.

27. Шурупова, О.С. «Все обман, все мечта, все не то, чем кажется!..» (повести Н.В. Гоголя как часть Петербургского текста русской литературы) / О.С. Шурупова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: сборник научных трудов. Выпуск 19 / Под ред. О.В. Загоровской. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. – С. 132-139.

28. Шурупова, О.С. Анализ концептосферы сверхтекста как способ его исследования / О.С. Шурупова // Экология русского языка: Материалы 5-й

Международной научной конференции / Глав. ред. В.И. Коротов. – Пенза: Изд-во Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Беллинского, 2012. – С. 170-174.

29. Шурупова, О.С. К вопросу о сверхтекстовой картине мира петербургского текста (на материале поэмы И. Бродского «Петербургский роман») / О.С. Шурупова // Язык в пространстве коммуникации и культуры: Материалы VI Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации. 28 июня 2012 года / Под ред. Н.В. Иванова. – М.: Книга и бизнес, 2012. – С. 437-444.

30. Шурупова, О.С. Петербургский текст как ключевой сверхтекст русской культуры / О.С. Шурупова // Язык как система и деятельность-3. Материалы Международной научной конференции [редкол.: проф. В.И. Дегтярев и др.]. – Ростов н/Д.: ЛОГОС, 2012. – С. 123-125.

31. Шурупова, О.С. Модель городского пространства в повести Ф.М. Достоевского «Двойник» / О.С. Шурупова // Вокруг великих имен: М.В. Ломоносов и Ф.М. Достоевский в русском лингвокультурном пространстве (К юбилею выдающихся деятелей русской культуры): сборник научных трудов [редкол.: Т.В. Гончарова и др.]. – Липецк: ЛГПУ, 2012. – С. 83-89.

32. Шурупова, О.С. Петербургский и лондонский тексты: опыт сопоставительного анализа / О.С. Шурупова // Язык. Культура. Коммуникация: сборник научных статей [редкол.: Т.А. Воронцова и др.]. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – С. 240-245.

33. Шурупова, О.С. Проблема городского сверхтекста в современном языкознании / О.С. Шурупова // Жизнь языка. Жизнь в языке: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора В.В. Щеулина (Липецк, 13 марта 2013 года). – Липецк: ЛГПУ, 2013. – Ч.2. – С. 201-209.

34. Шурупова, О.С. Культурное пространство Киевского текста / О.С. Шурупова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: сборник научных трудов. Выпуск 22 / Под ред. д-ра филол. наук, проф. О.В. Загорской. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2013. – С. 92-98.

35. Шурупова, О.С. Оппозиции концептов *жизнь-смерть*, *сон-явь* и *вечность-суэта* в смысловой организации Киевского текста русской литературы / О.С. Шурупова // Наука и современность-2013: сборник материалов XXI Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: ООО агентство «СИБПРИНТ», 2013. – С. 171-174.

36. Шурупова, О.С. Особенности современной антропоцентрической парадигмы лингвистического исследования / О.С. Шурупова // Качество жизни населения территории: экономические, правовые и социальные аспекты: Сборник трудов участников VII Международной научно-практической конференции. (16 мая 2013 года) / Под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. С.В. Лаптева, канд. юр. наук, доц. А.Д. Моисеева. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. – С. 323-327.

37. Шурупова, О.С. Концепт *Ташкент* как ядерный концепт Ташкентского текста русской литературы / О.С. Шурупова // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания: межвузовский сборник

статей. Вып. 3. [редкол.: проф. Е.Н. Брызгалова и др.]. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. – С. 167-171.

38. Шурупова, О.С. Концептосфера сверхтекста и особенности ее анализа / О.С. Шурупова // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: материалы международной научно-практической конференции, 26 апреля 2013 г. / Отв. ред. О.Н. Морозова. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. – С. 134-137.

39. Шурупова, О.С. Проблема сверхтекста в современном языкознании (на примере Киевского текста русской литературы) / О.С. Шурупова // Актуальные проблемы научного знания: Материалы Межвузовской научно-практической конференции (Часть 2) / Отв. ред. Г.Н. Остроухова. – Липецк: ЛФ МИКТ, 2013. – С. 54-58.

40. Шурупова, О.С. Основные типы героев в киевском тексте русской литературы / О.С. Шурупова // Наука XXI в.: Проблемы филологии и искусствоведения. Выпуск 7. Материалы Межрегиональной научной конференции молодых ученых и аспирантов (Казань, 17 мая 2013 г.). – Казань, 2013. – С. 139-142.

41. Шурупова, О.С., Попова Е.А. Городские сверхтексты в поэзии Ф.И. Тютчева / О.С. Шурупова // Тютчев – русская поэтическая и политическая языковая личность: Материалы Международной научной заочной конференции, посвященной 210-летию со дня рождения поэта, политика, дипломата / Под ред. А.В. Антюхова. – Брянск: Изд-во «Курсив», 2013. – С. 156-164.

42. Шурупова, О.С. Провинциальные сверхтексты русской и английской литературы / О.С. Шурупова // Профильное и профессиональное образование в условиях современного поликультурного пространства: Материалы Международной научно-практической конференции (Челябинск, декабрь 2013 г.) [редкол.: проф. Е.В. Харченко и др.]. – Челябинск: РАНХиГС, Челябинский филиал, 2013. – С. 113-118.

43. Шурупова, О.С. Ключевые особенности концептосферы Венецианского текста русской литературы / О.С. Шурупова // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия Гуманитарные науки. – 2013. – Выпуск 2(9). – С. 123-130.

44. Шурупова, О.С., Попова Е.А. Провинциальный текст русской литературы с точки зрения лингвистики сверхтекста // Филологическая регионалистика. – 2013. – №2(10). – С. 39-44.

45. Шурупова, О.С. Мифологема «город-рай» в организации Ташкентского текста русской литературы / О.С. Шурупова // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – Выпуск 1 (10). – С. 65-72.

46. Шурупова, О.С., Попова Е.А. Липецкий край в произведениях русских писателей (произведения о Липецком крае как часть Провинциального текста русской литературы) / О.С. Шурупова // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – Выпуск 2 (11). – С. 69-74.

47. Шурупова, О.С. Основные особенности концептосферы Ташкентского текста русской литературы / О.С. Шурупова // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: материалы международной научно-практической

- конференции, 29 апреля 2014 г. [редкол.: О.Н. Морозова и др.]. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 80-87.
48. Шурупова, О.С. Особенности реализации ключевых концептов «Петербургского текста» русской литературы / О.С. Шурупова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. – 2014. – №1. – С. 72-77.
49. Шурупова, О.С. Особенности смыслового пространства петербургского текста русской литературы / О.С. Шурупова // Русская литература в иностранной аудитории: Сборник научных статей / Сост. И.И. Толстухина. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. – С. 99-106.
50. Шурупова, О.С. Образ Киево-Печерской Лавры в киевском тексте русской литературы / О.С. Шурупова // «Аз есмь путь и истина и жизнь». Православное благовестие и паломнический туризм: традиции и современность. Материалы IX Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения» (22-23 ноября 2013 г., г. Липецк – Задонск). – Липецк: ООО «Типография «Липецк-Плюс», 2014. – С. 203-205.
51. Шурупова, О.С. Особенности взаимодействия русской и англосаксонской культур (на примере Лондонского текста отечественной литературы) / О.С. Шурупова // Духовно-нравственные основы российской государственности: сборник трудов участников Международных Чтений, посвященных 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского (11-12 апреля 2014 г., г. Липецк) / Под ред. Д.А. Будюкина, Ю.В. Мироновой, Т.И. Сокольской, В.В. Швайдак. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – С. 291-304.
52. Шурупова, О.С. Локальные тексты в творчестве М.Ю. Лермонтова / О.С. Шурупова // М.Ю. Лермонтов в истории и культуре: сборник материалов областной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова / Отв. ред. В.В. Абрамова. – Липецк: ЛГПУ, 2014. – С. 108-115.
53. Шурупова, О.С. «Венеция» как ядерный концепт венецианского текста русской литературы / О.С. Шурупова // Проблемы современной русистики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию доктора филологических наук, профессора В.В. Востокова (18-20 сентября 2014 г.) / Отв. Ред. С.Н. Пяткин. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2014. – С. 189-192.
54. Шурупова, О.С. Основные направления исследования сверхтекста в современном языкознании / О.С. Шурупова // Актуальные проблемы лингвистики и языкового образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 50-летию кафедры французского языка Дагестанского государственного университета (20 ноября 2014 года). – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2014. – С. 195-198.
55. Шурупова, О.С. «Питер женится, Москва замуж идет»: гендерные типы городских сверхтекстов / О.С. Шурупова // Общество. Гендер. История: сборник статей и тезисов докладов VII всероссийской научной конференции с международным участием. Май 2015. – Липецк: Изд-во «Гравис», 2015. – С. 74-77.
56. Шурупова, О.С. Концепт «город» в провинциальном тексте русской литературы / О.С. Шурупова // Русский язык в контексте национальной куль-

туры. Материалы III Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. – Т. 1. – Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2015. – С. 266-271.

57. Шурупова, О.С. Особенности восприятия промышленного города в провинциальном тексте русской литературы / О.С. Шурупова // Язык как система и деятельность-5. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Южного федерального университета и 90-летию со дня рождения профессора Ю.А. Гвоздарева. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2015. – С. 294-296.

58. Шурупова, О.С. Попова Е.А. Произведения И.А. Бунина как часть провинциального текста русской литературы / О.С. Шурупова // Творческое наследие Бунина в контексте современных гуманитарных исследований: сборник трудов. – Елец: ЕГУ, 2015. – С. 431-438.

59. Шурупова, О.С. Особенности отражения русской языковой картины мира в Петербургском и Московском текстах отечественной литературы / О.С. Шурупова // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. 22-24 апреля 2015 г. – СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. – С. 72-75.

60. Шурупова, О.С. Основные мотивы провинциального текста русской литературы / О.С. Шурупова // Малая родина – большая литература: проблемы развития современной филологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 22-23 апреля 2015 года / Отв. ред. Н.В. Углова. – Липецк: ГАУДПО ЛО «ИРО», 2015. – С. 51-55.

61. Шурупова, О.С. Ключевые особенности провинциального текста русской литературы / О.С. Шурупова // Жизнь провинции: История и современность. Сборник статей по материалам всероссийской научной конференции с международным участием «Жизнь провинции: История и современность» 19-21 марта 2015 г. / Отв. ред. М.Г. Урутминцева. – Нижний Новгород: Изд-во «Книги», 2015. – С. 158-164.

62. Шурупова, О.С. Общее и различное в русской и англосаксонской культурах / О.С. Шурупова // Профильное и профессиональное образование в условиях современного поликультурного пространства: Материалы Третьей Международной заочной научно-практической конференции, декабрь 2015 года / ФГБОУ ВО «российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал. – Челябинск: РАНХиГС, Челябинский филиал, 2015. – С. 147-150.

63. Шурупова, О.С. Культурно-языковой феномен городского сверхтекста / О.С. Шурупова // Филологические знания на современном этапе: сборник статей / Курганский государственный университет, отв. ред. И.А. Шушарина. – Курган: Курганский государственный университет, 2015. – С. 168-173.

64. Шурупова, О.С. Особенности типологии локальных сверхтекстов / О.С. Шурупова // Первые Щеулинские чтения: Материалы всероссийской конференции с международным участием, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина (Липецк, 25 марта 2016 года) / Редколлегия: Е.А. Попова, Т.В. Гончарова, И.П. Черноусова, О.С. Шурупова. – Липецк: ЛГПУ, 2016. – С. 115-121.

65. Шурупова, О.С. Образ равноапостольного князя Владимира в Киевском тексте русской литературы «Любовью и единением спасемся» (преподобный Сергей Радонежский) / О.С. Шурупова // Материалы X Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения» / Под ред. Н.Я. Безбородовой, Н.В. Стюфляевой. – Липецк: ООО «Типография Липецк-Плюс», 2015. – С. 118-120.
66. Шурупова, О.С. Основные принципы строения концептосферы городского сверхтекста / О.С. Шурупова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. – С. 1051–1055. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/96127.htm>.
67. Шурупова, О.С. Особенности восприятия природы в Венецианском тексте русской литературы / О.С. Шурупова // Перевод. Язык. Культура: VII междунар. науч.-практ. конференция. 8 апреля 2016 г. / Отв. ред. Е.В. Дворецкая. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 127-130.
68. Шурупова, О.С. Роль локальных сверхтекстов в развитии отечественной культуры / О.С. Шурупова // XX Юбилейные Царскосельские чтения. Материалы Международной научной конференции 20-21 апреля 2016 г. – Т.1. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 234-237.
69. Шурупова, О.С. Категория смерти в столичных сверхтекстах русской литературы / О.С. Шурупова // Традиция. Религия. Память: сборник статей и тезисов докладов I международной научной конференции. НИИ Липецкого государственного технического университета; Липецкое региональное отделение Российского общества интеллектуальной истории. – Липецк: ООО «Гравис», 2016. – С. 90-94.
70. Шурупова, О.С. Почему нарушены традиции русской классики? (Москва в романе А.И. Солженицына «В круге первом») / О.С. Шурупова // Русская классика: проблемы понимания и языкового своеобразия: Сборник научных статей по итогам XV Барышниковских чтений – Всероссийской научной конференции (15-16 ноября 2016 г., г. Липецк). – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. – С. 190-195.
71. Шурупова, О.С. Возможна ли безопасность в северной столице? (Особенности восприятия Петербурга в Петербургском тексте русской культуры) / О.С. Шурупова // Научный Вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. – 2016. – №3. – С. 25-28.
72. Шурупова, О.С. Провинция в русской и английской литературе / О.С. Шурупова // Актуальные проблемы Романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка: сборник материалов научно-практической конференции. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. – С. 36-39.
73. Шурупова, О.С. «Приближение неотвратимого вдруг» (особенности времени действия в «Петербургском тексте») / О.С. Шурупова // Мгновение как сюжет: Статьи и материалы / Ред.-сост. С.А. Васильева, А.Ю. Сорочан. – Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2017. – С. 297-303.

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.
Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная.
Печ.л. 3,0 Уч.-изд.л. 3,1
Тираж 100 экз. Заказ 46

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И.А.Бунина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1